Современный Любовный Роман
Анна ЛИНН
Я пришла издалека

Анна Линн

Я пришла издалека

1999

Линн А.

Я пришла издалека / А. Линн — 1999

Анна Линн, американская писательница шотландского происхождения, решила сделать героиней своего романа русскую девушку Юлию, молодого петербургского врача.Юлия отправляется в Эдинбург по делам своей фирмы. Случайно попав туда, где древние кельты построили каменные сооружения для своих мистических обрядов, молодая женщина переносится в Шотландию XVIII века. Тонко написанные психологические портреты, острые ситуации, когда героиня оказывается буквально на грани жизни и смерти, проблема выбора, любовь и ненависть – все это ждет читательниц на страницах романа.

© Линн А., 1999

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 16
Глава третья 31
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Анна Линн
Я пришла издалека

Глава первая
МИР ТЕСЕН

Отправляясь в Эдинбург, я была готова к любым приключениям. Зеленые холмы Шотландии, старинные замки, загадочные сооружения, возведенные древними кельтами, – такая обстановка внушит романтическое настроение самому закоренелому прагматику. Весна в Эдинбурге! Что может быть лучше? Конечно, прежде всего, меня ждет работа, но ради того, чтобы своими глазами увидеть родину Роберта Бернса, я согласна на все.

В самолете я упросила соседа, судя по выговору коренного шотландца, поменяться со мной местами – мое кресло было в проходе. Не слишком вежливо, но мне чертовски хотелось посмотреть на Шотландию сверху. Следить за тем, как сквозь расступающиеся облака вдруг проглядывает земля, появляются крохотные домики, геометрический рисунок ландшафта… Самолет снижается, картинка становится все более крупной, оживает, и вот уже видны городские улицы, отдельные здания, группы людей и проезжающие автомобили. Я с детства любила это волшебное превращение игрушечных домиков в самые настоящие большие дома, где живут люди. Наверное, сосед понял мое детское любопытство. Поинтересовавшись: «Is it your first trip to Scotland?» – хотя и так было ясно, что, конечно же, я впервые лечу в Шотландию, – он пересел в мое кресло, отложил папку с документами, которые листал до того – очевидно, очень занятой молодой человек, – и начал рассказывать, над какими городами мы пролетаем.

Мы расстались почти друзьями. Он оставил свою визитку: Джеймс Дилан, адвокат, нотариальная контора «Аллен и Овери», Глазго. У меня визиток еще не было. Их не успели напечатать до отъезда. Поэтому я оставила свой рабочий телефон и адрес гостиницы «Королева Мэри», где мне предстояло прожить несколько дней. Адвокат – какая английская, диккенсовская профессия! Все романы Диккенса слились у меня в голове в один нескончаемый судебный процесс. Оказывается, в Шотландии тоже есть адвокаты. А я думала, ее населяют только поэты, бродячие музыканты и владельцы пабов.

В аэропорту Эдинбурга меня встречали густой запах селедки и гид-шотландец в национальном костюме. Неплохое начало для романтического путешествия. Втайне я уже надеялась, что шотландский адвокат Джеймс Дилан позвонит в гостиницу и, возможно, найдет время и повод, чтобы встретиться со мной еще раз. Здравомыслящая женщина во мне говорила: этот симпатичный юноша проявил обычную вежливость. И вовсе не твои чары побудили его тратить на тебя время, а хорошее воспитание. Может быть, может быть, но никакое воспитание не заставит мужчину болтать с женщиной, которая ему неприятна, – возражала невесть откуда взявшаяся легкомысленная особа. Кажется, в ближайшее время именно она собиралась управлять моими поступками.

Я была готова к приключениям. Но я никак не ожидала на следующий же день встретить собственного мужа. Точнее, бывшего мужа.

Пару лет назад мы с Андреем поняли, что не оправдываем обоюдных ожиданий, и решили развестись. Это случилось быстро, мирно и без скандалов. Расставаясь, мы неискренне пообещали друг другу звонить, не забывать, заходить в гости – и, разумеется, никто из нас не сдержал обещания.

После развода я жила одна в маленькой квартирке на Петроградской стороне, работала недалеко от дома, не общалась почти ни с кем из старых друзей и не заводила новых знакомств.

Мне нужно было остаться наедине со своими мыслями и начать жить своей собственной жизнью. Раньше я слишком зависела от других людей, и больше всего – от мужа. Мы прожили вместе почти четыре года. Детей не было – он не хотел. Говорил, что еще рано, что мы еще молоды и можем пожить несколько лет для себя, что нужно подождать, пока он начнет зарабатывать достаточно денег, чтобы у ребенка было все самое лучшее. Я соглашалась, хотя в душе считала, что он не прав. Впрочем, все к лучшему. Если бы у нас был ребенок, я не решилась бы уйти, так и не смогла бы изменить свою жизнь.

Где-то я читала, что женщина, выбирая мужчину, всегда подсознательно выбирает идеального отца для своего ребенка. Если по каким-то причинам рядом с ней оказался не тот человек, возникает подсознательный конфликт. Андрей не был похож на идеального отца – я понимала это слишком хорошо. Может быть, я ушла от него именно по этой причине. Уж не знаю, что думало о нем мое подсознание… Он не был похож и на идеального возлюбленного: слишком эгоистичен, порой жесток. Я любила его какой-то странной болезненной любовью, причинявшей мне страдание. Это была любовь-мания, любовь-зависимость. Он стал для меня сначала наркотиком, позже, когда я повзрослела и немного поумнела, – всего лишь вредной привычкой, от которой не можешь отказаться.

А он был увлечен своей научной работой, порой переставал замечать все происходящее вокруг. Он становился невнимательным, а иногда и просто грубым, особенно если ему казалось, что ему мешают. В хорошем настроении он иногда говорил, что настоящему историку мертвецы дороже живых людей. Думаю, за этой шуткой скрывалась большая доля правды. Я всегда чувствовала, что значу для него едва ли не меньше, чем пожелтевшие архивные документы, какая-нибудь переписка восемнадцатого века между австрийским шпионом в России и французским дипломатом, состоявшим в масонской ложе…

Андрей вырос в благополучной семье, привык к тому, что его окружает постоянная забота близких, и брак был нужен ему лишь для того, чтобы кто-то продолжал о нем заботиться. Кто-то должен был заменить постаревших родителей, души не чаявших в единственном ребенке. Разумеется, этот кто-то должен был пожертвовать своими интересами ради того, чтобы Андрей мог и дальше заниматься своими исследованиями, не отвлекаясь на разные пустяки. Этот кто-то был лишен права иметь свое мнение, свои проблемы, даже своих друзей.

Я не сразу поняла, что мне отводится благородная роль любящей жены, которая всю жизнь посвятила научной славе гениального мужа. Мне не подходила эта роль. Я обнаружила, что вовсе не хочу кому-то подчиняться или служить. Да и Андрей не был гениальным ученым. Он был одарен и очень трудолюбив: вполне достаточно для того, чтобы достигнуть успеха, но слишком мало для того, чтобы я растворилась в нем без остатка.

Подозреваю, что его больше интересовала такая сторона научной карьеры, как возможность ездить за границу, участвуя в научных конференциях, завязывать контакты с коллегами, которые рано или поздно помогут ему уехать из страны и найти работу на Западе. Ради этого он был готов на многие жертвы. А мне хотелось совсем другого. Всю жизнь я мечтала о большой семье, где все просто любят друг друга. Семья казалась мне единственной настоящей целью, той единственной радостью, которой я была лишена в детстве. Но с Андреем у нас не сложилось.

И вот я наткнулась на него утром в «Королеве Мэри». Похоже, мир слишком тесен… Я поздно встала, хотя и заказывала wake-up call на семь утра. Проснуть-то я проснулась, но немедленно заснула обратно. Когда я снова открыла глаза, было уже восемь тридцать. Пришлось собраться с рекордной быстротой. Я натянула первую попавшуюся одежду – это были светлые вельветовые брюки и голубой джемпер, – и прибежала завтракать с еще влажными после душа волосами. Через пятнадцать минут от гостиницы отправлялся автобус, на котором вся группа ехала на семинар, а после на экскурсию. Опаздывать не хотелось. Поэтому я судорожно налила себе кофе, едва не уронив чашку, и стала осматриваться в поисках чего-

нибудь съестного. Тут я заметила знакомую фигуру в джинсах и темно-серой рубашке. Мужчина оживленно разговаривал о каких-то архивах с невысоким пожилым шотландцем и одновременно наливал себе стакан яблочного сока (я автоматически отметила, что его утренние привычки не изменились). Пока и соображала, стоит поздороваться или лучше удалиться незамеченной в укромный уголок, он неожиданно обернулся – и наши глаза встретились. Он тут же расплылся н улыбке:

– Юлия! Ну надо же! Ты тоже живешь в этой гостинице? – и сразу обратился к своему спутнику по-английски, представляя меня как бывшую супругу, а ныне – хорошего друга. «Лицемер», – подумала я, а вслух спросила:

– Ты давно в Эдинбурге? Отдыхаешь или работаешь?

– В Эдинбурге – третий день, а в Шотландии – уже пару недель. Я занимаюсь весьма любопытными исследованиями местной истории. Моя научная группа получила грант Сороса, немалую сумму, и в ближайшие три года я буду часто сюда приезжать. Это Уильям Гиббонс – мой коллега, специалист по кельтской мифологии. А ты? Как ты здесь оказалась? Неужели работа?

– Да, работа. Я приехала на семинар. Повышаю квалификацию, – мне не слишком хотелось распространяться о своих нынешних делах.

– С каких это пор молодых врачей отправляют повышать квалификацию за границу? – Мне показалось, что Андрей неприятно удивлен.

– Я больше не работаю по специальности. Я консультант в одной фармацевтической фирме.

– Вот как! Что же заставило тебя изменить своему призванию? – В его голосе появились знакомые язвительные нотки.

– Ты же прекрасно знаешь, что прожить на те деньги, которые называются зарплатой врача, невозможно. Вряд ли я смогу принести кому-то пользу, умирая с голоду. К тому же это просто унизительно. Я бы с радостью лечила людей ради собственного удовольствия. Но ведь для этого нужно, чтобы кто-то другой меня кормил, поил и одевал…

Продолжая перебрасываться вопросами и ответами, мы сели за столик и приступили к завтраку. Общество бывшего мужа не отбило мне аппетита, и я с наслаждением проглотила пару свежих, теплых круассанов с ежевичным джемом. В этой гостинице почему-то подавали европейский завтрак, а не традиционную английскую яичницу с беконом. И никакой овсянки!

Мы с Андреем не могли говорить по-русски, это было бы не слишком вежливо по отношению к мистеру Гиббонсу. И мы общались по-английски, лишь изредка обмениваясь русскими фразами. Разговор не выходил за рамки дежурных тем: какой прекрасный город Эдинбург, как жаль, что вы пробудете здесь всего неделю, любите ли вы путешествовать…

Я отвечала односложно. О чем можно говорить, подсчитывая минуты, оставшиеся до отправления автобуса? Я заметила, что Андрей смотрит на меня оценивающе, в его взгляде читалось не только любопытство, но и нечто среднее между удивлением и одобрением. Как будто бы он видит меня в первый раз в жизни, раздраженно подумала я.

Впрочем, я действительно изменилась со времен нашей последней встречи. Замужем я выглядела забитой и недовольной жизнью, почти перестала следить за собой, ходила исключительно в джинсах и какой-нибудь затрапезной рубашке, чем страшно раздражала Андрея. Он хотел видеть во мне респектабельную спутницу, которую не стыдно представить друзьям или коллегам, но уж никак не взлохмаченную девицу, к тому же выглядящую моложе своих лет и потому сильно смахивающую на подростка. С тех пор как мы с ним расстались, я удачно сменила работу, но вместе с работой пришлось сменить и имидж. В моем гардеробе появились деловые костюмы, туфли на каблуках и прочие «приличные» вещи. Не удалось ничего сделать только с прической: мои сильно вьющиеся волосы всегда были до неприличия непослушными.

Даже стрижка в дорогом салоне не помогала… Но в целом я выглядела куда более благополучно, чем два года назад. Андрей не мог этого не заметить.

Мне показалось, что он порывается что-то мне сообщить, его как будто распирала изнутри какая-то новость. Он заговорщически переглядывался с мистером Гиббонсом, они обменялись многозначительными похмыкиваниями, и наконец Андрей торжественно объявил:

– Вчера мы с Гиббонсом разрешили одну любопытную загадку, касающуюся моей родословной. Ты узнаешь об этом первая. Приглашаю тебя сегодня вечером поужинать с нами, за ужином я расскажу все в подробностях.

Ну разумеется, чего еще могла касаться важная новость, как не его драгоценной персоны! Не иначе, он выяснил, что приходится дальним родственником английской королеве и имеет некоторые права наследования на Виндзорский дворец. Тем не менее я любезна согласилась стать первым человеком, посвященным в тайну его происхождения. Мы договорились встретиться в холле в восемь часов, и я побежала к выходу. Автобус еще не уехал. Разумеется, все уже сидели на своих местах и ждали только меня. Пробормотав извинения – мол, так устала после вчерашнего перелета, да еще голова разболелась – я плюхнулась на сиденье и отправилась слушать доклады о новых чудодейственных лекарствах и перспективных рынках сбыта.

Вполуха я слушала скучнейшие рассуждения о том, что новую мазь нужно продавать в тюбике, а не в баночке, и обязательно в синей упаковке… Оказывается, именно это обеспечит препарату невероятный успех на рынке, в отличие от лекарства с такими же свойствами, но продающегося в баночке и в красной упаковке. Мне было как-то не по себе. Конечно, каждый младенец знает, что производство лекарств – это бизнес, причем весьма прибыльный. Больной человек и его родственники пожертвуют последнее, чтобы купить необходимое лекарство. Ничего не делается бесплатно, пора бы уже привыкнуть к этому, но какие-то несовременные мысли о том, что нельзя так откровенно зарабатывать на чужом несчастье, не отпускали меня. Так меня воспитали, внушили с детства ненужную по нынешним временам порядочность, и с этим уже ничего нельзя поделать. Моя нынешняя работа вызывала во мне угрызения совести. Я подумала, что с другим воспитанием мне жилось бы гораздо легче. Незаметно я погрузилась в свои мысли. Они были невеселыми – об Андрее, о моей жизни до замужества…

Мои родители и младший брат погибли в авокатастрофе, когда мне было девять лет. Они ехали на дачу к папиному приятелю. Приятель вел машину. Неожиданно на повороте отказало рулевое управление, машина вылетела на встречную полосу и врезалась в грузовик. Папин приятель чудом не пострадал. Отделался царапинами от разбившегося лобового стекла. А все пассажиры погибли. Этот человек приходил на похороны, пытался заговорить со мной. Я не могла на него смотреть, хотя и знала, что он не виноват в аварии.

Мир вокруг меня опустел. Я еще долго не могла поверить, что родители никогда не вернутся. А когда наконец поверила – стала мечтать о том, что когда-нибудь встречу такого человека, с которым мне захочется провести всю оставшуюся жизнь, воспитывать наших детей, заботиться о семье, приглашать в дом гостей… Я завидовала своим школьным подругам, у которых было много родственников, бабушек, дедушек, двоюродных тетушек, троюродных племянников. Мне казалось, что все большие семьи обязательно счастливы, и я не понимала, почему близкие родственники могут ссориться друг с другом из-за пустяков. Каждую ночь, ложась спать, я перебирала в памяти драгоценные воспоминания и думала: если бы только мои родители были живы…

После их гибели меня взял к себе дядя Сэм. На самом деле дядюшку звали Семен Ильич, но в семье его прозвали дядей Сэмом по непонятным мне причинам. Семейные прозвища редко поддаются разумному объяснению. Одну мою подругу, розовощекую пухленькую девицу, дома почему-то звали Мышкой, хотя скорее она была похожа на Колобка. Дядюшка Сэм – мой единственный родственник на всем белом свете. Прирожденный хирург и закоре-

нелый холостяк, кажется, даже женоненавистник. Он не раз повторял, что удачная операция прекрасно заменяет любовное свидание, а главное, не влечет осложнений.

Дядюшка был милейшим и добрейшим человеком, но абсолютно не знал, как обращаться с детьми. Поэтому я была не то чтобы предоставлена самой себе, но избавлена от излишней опеки, от которой так часто страдают взрослеющие дети. Дядя никогда не считал меня маленькой и несамостоятельной, наоборот, он всегда говорил мне, что я взрослый человек и имею право принимать решения. Даже если решение будет ошибочным, оно будет моим, и это самое главное. Я очень рано поняла, как трудно быть взрослой и отвечать за свои поступки. С тех пор во мне живут два человека: один – взрослый и серьезный, а второй – ребенок, которому мучительно хочется, чтобы рядом был кто-то сильный и умный, кто все решит за тебя и сделает так, чтобы тебе было хорошо.

В дядюшкиной библиотеке было множество медицинских книг – и очень мало детских. Поэтому я зачитывалась, как приключенческим романом, справочником «Хирургические болезни». Вместо «Трех мушкетеров» я рассматривала анатомический атлас. Если меня не с кем было оставить, дядюшка изредка брал меня с собой на дежурства. Когда к нему приходили гости, разговоры по большей части касались медицины… Мне разрешали сидеть за столом и слушать взрослые разговоры. Сложилось так, что я с самого детства находилась в этой среде, и сама мечтала стать врачом, обязательно хирургом – как дядя Сэм.

Мои родители были филологами, мама преподавала английский язык в университете, папа работал в литературном журнале. Они считали само собой разумеющимся, что я тоже буду учиться на филологическом факультете и стану переводчиком или редактором. Дома разговаривали и по-русски, и по-английски. Так что я научилась говорить на двух языках почти одновременно. После того как мама и папа погибли, я пообещала им и самой себе, что они смогут мной гордиться, когда я вырасту. Я старалась поступать так, как хотели бы мои родители, будь они живы. Но когда пришлось все-таки выбрать между филологическим факультетом и медицинским институтом, я, поколебавшись, выбрала медицинский, решив, что родители поняли бы меня и не стали ни к чему принуждать.

Скоро выяснилось, что кроме мира идей и благих намерений существует другой – мир материальный и безжалостный. Дядя Сэм вышел на пенсию, я продолжала учиться. Денег стало не хватать. Когда я училась на третьем курсе, начались печально знаменитые экономические реформы. Денег стало не хватать катастрофически, даже на еду. Я привыкла отказывать себе в самом необходимом, покупать самые дешевые продукты, не думать о новой одежде или каких-нибудь развлечениях, но не смирилась с этим. Почему, если я хочу учиться, я должна стиснуть зубы и терпеть нищету как минимум шесть лет? Моей повышенной стипендии не хватало даже на самые нужные научные книги. Неужели желание стать врачом столь преступно, что за него меня так наказывают? И почему дядя Сэм, спасший не одну человеческую жизнь за годы работы, должен теперь получать нищенскую пенсию?

Тогда я и встретила Андрея. Благополучный, самоуверенный – человек из другого мира. Что могло быть у нас общего? Сказочный принц и Золушка. Только у этой Золушки не было серебряного платья и хрустальных башмачков. И все же нас тянуло друг к другу с одинаковой силой. Но я так остро чувствовала свою ущербность, что сама заняла подчиненное положение. Так было удобнее и мне, и ему. Я подчинялась, боялась возражать, и потому мы в первое время совсем не ссорились. Да и как можно ссориться со сказочным принцем?

После того как мы поженились, я наконец забыла о полуголодной жизни. Не нужно было думать, что купить: книжку или курицу на обед. Не нужно было ходить с сентября по апрель в одних и тех же сношенных ботинках. Не нужно было беречь как величайшую ценность единственные тонкие колготки с маленькой дырочкой на пальце. Перестав испытывать постоянное унижение оттого, что у меня нет денег, я постепенно и мучительно осознала, что ничем не

хуже других, что я тоже человек. И тогда Золушка осмелилась возражать принцу. Она вдруг увидела в нем недостатки, поняла, что принц – обычный человек. А потом решила уйти.

После развода я почувствовала себя свободной и самостоятельной. И еще – немного избалованной комфортом и благополучием. Я больше не хотела выживать, я хотела жить. И поэтому, когда я увидела в деловой газете объявление: крупной компании требуется консультант с медицинским образованием и отличным знанием английского языка, – я решилась отправить свое резюме. Я не ожидала, что меня вот так сразу примут. Люди годами рассылают резюме и ходят на собеседования без всякого результата. Мне повезло больше. Я прошла достаточно серьезный конкурс и… приступила к работе.

В тот день мне пришлось выслушать больше докладов, чем я предполагала, потом еще обзорная экскурсия по городу, и я была вымотана до такой степени, что, вернувшись в свой номер, бросилась на кровать лицом вниз, не раздеваясь. Проведя так примерно с полчаса, я почувствовала, что меня уже не трясет от усталости. Но я едва успевала принять душ и переодеться к ужину, на который меня столь неожиданно пригласил бывший супруг. Судорожно приводя себя в порядок, я размышляла. Что же он хочет мне рассказать? Эта мысль занимала меня все больше. Мне казалось, что он хочет произвести на меня впечатление, заинтриговать и снова привлечь меня. А может быть, наша встреча в Эдинбурге – это счастливый случай? Возможность начать все заново?

Здесь, в новой и романтической обстановке, я вдруг почувствовала, что Андрей мне вовсе не безразличен. Раньше я не ощущала разлуки. Я была уверена, что забыла его, избавилась от вредной привычки. Но не все так просто. Вредные привычки очень живучи. Как однажды написал Марк Твен: «Нет ничего проще, чем бросить курить; я и сам проделывал это множество раз». Каждый курильщик знает: после долгого перерыва кажется, что уже все, на этот раз ты уж точно бросил. И поэтому из любопытства или за компанию выкуриваешь сигаретку. Потом – еще одну, и не замечаешь, как возвращаешься к старой норме – полпачки за день.

Андрей не утратил своей привлекательности, напротив – в нем появилось что-то новое, какая-то сила и уверенность. Он всегда нравился женщинам. Высокий, хорошо сложенный, с тонкими чертами лица, умными серыми глазами и вечной иронической улыбкой, он был чертовски обаятелен. Мягкий голос, длинные музыкальные пальцы и утонченные манеры… Красив и к тому же умен. Не мужчина, а мечта.

Нужно отдать ему должное: при всем успехе, который он имел у женщин, он не воспользовался этим ни разу за то время, пока мы были вместе. В этом отношении он был безупречен, что объяснялось ленью и привередливостью. Ему не хотелось тратить время и силы на ухаживание, к тому же ему было трудно угодить. Редкая женщина имела шанс ему понравиться, хотя пытались многие. Иногда меня шокировало, как ядовито он высмеивал какую-нибудь наивную дамочку, кокетничавшую с ним весь вечер. От его внимания не ускользало ничто. Ни плохая кожа, скрываемая макияжем, ни неухоженные руки, ни вульгарные интонации… Бедняжка наивно полагала, что произвела впечатление и ей делают тонкие комплименты, но тут комплименты переходили в издевательство, не оставляя никаких шансов. Случалось, Андрей заходил слишком далеко в этом своем развлечении, и гостья демонстративно выскакивала из-за стола, судорожно одевалась и выбегала на лестницу, хлопнув дверью. Больше она в наш дом не возвращалась.

Так можно было нажить себе много врагов. Но я заметила, что он никогда не издевается над теми, кто действительно может ему навредить. Он выбирал жертв не из своего круга, а случайно оказавшихся в числе его знакомых. Признаться, я немного побаивалась своего мужа. В нем странным образом сочетались мягкость, нерешительность, интеллигентность – и какая-то скрытая жестокость, циничный холодок в глазах. Иногда мне казалось, что я совсем его не

знаю, что он способен совершить нечто невообразимое… Впрочем, это были лишь фантазии. Ничего невообразимого он не совершал, больных собачек ногой при мне не пинал, а некоторая загадочность только прибавляла ему притягательности.

С тех пор как мы расстались, у меня было несколько коротких романов, которые не принесли мне ничего, кроме разочарований. Я пришла к мысли, что большинство мужчин – грубоватые самовлюбленные типы, начисто лишенные воображения. Среди моих кавалеров были: один фотограф, один геолог, два стилиста, повар и подполковник милиции. С кем-то я встречалась неделю, с кем-то – пару месяцев. Разницы никакой. Они отличались друг, от друга внешностью, возрастом и социальным положением, но сущность была одна и та же. Они даже говорили одинаковыми фразами, и я видела их насквозь. Я поняла, что можно сменить и сотню любовников, оставаясь при этом с одним и тем же скучным среднестатистическим мужчиной.

Андрей был другим, пусть и не совсем положительным героем. И вот после четырех лет замужества и двух лет разлуки я была готова начать все сначала, если только он этого захочет. «Не глупо ли?» – подумала я, изучая свое отражение в зеркале. Оттуда на меня неодобрительно смотрела молодая женщина с зелеными глазами, тонкими губами и темными вьющимися волосами. Закрытое черное платье мягко подчеркивало линии тела. Это платье я купила в прошлом году в Париже, потратив все деньги, которые были с собой. Оно было простым и строгим. Я давно заметила эту странность: чем проще выглядит вещь, тем она дороже. Что-нибудь ядовито-розовое с вышивкой и золотыми пуговицами можно запросто приобрести на каждом углу, а достойную вещь отыщешь только в дорогом магазине, и то не во всяком. Впрочем, это вполне справедливо. Благородство стоит денег.

Андрей должен был оценить мой облик по достоинству. Он заметит и элегантность платья, и неброский макияж (я пользовалась только дорогой косметикой, которая создавала впечатление ненакрашенного лица), и уверенность в себе. Ну вот, кажется, я и приняла его правила игры. Он будет рассказывать свои новости, стараясь меня поразить, а я буду всем своим видом демонстрировать успех и благополучие, которого добилась сама, без всякой помощи. Похоже на военный парад. Ружья и пуговицы начищены, парадная форма отутюжена, специальное парадное выражение лица принято. Вперед, шагом марш!

Он уже ждал меня, развалившись с газетой на синем кожаном диване. Мистер Гиббонс о чем-то беседовал с портье. Его коренастая фигура совершенно не вязалась с цивильным интерьером гостиницы. Ему больше подошли бы зеленые луга и стадо овец, подумала я.

Когда двери лифта с грохотом раздвинулись, выпуская меня в холл, Андрей машинально поднял голову на шум, посмотрел в мою сторону и, как мне показалось, застыл на некоторое время. Придя в себя, сотворил какую-то непонятную улыбку, вскочил и сделал несколько шагов мне навстречу.

– Ты просто неотразима! Мне кажется, раньше я знал совсем другую женщину. – Он незнакомым жестом подхватил мою руку и поцеловал ее.

Я была удивлена и не знала, что ответить. Он считал себя выше подобных комплиментов и в жизни не имел привычки целовать даме руку. Даже в шутку. Похоже, и я знала раньше совсем другого мужчину. Чтобы сменить тему, я неестественно бодро поинтересовалась:

– А куда мы идем?

– В один маленький китайский ресторан. Там подают великолепную утку по-пекински, а еще можно выбрать живую рыбину из аквариума, и тебе ее тут же приготовят. Но я предпочитаю утку. На рыб лучше посмотреть просто так – восхитительное зрелище.

– Согласна на утку. Ты всегда был гурманом, плохого не посоветуешь. К тому же я страшно проголодалась.

Китайская кухня была моей новой слабостью. Эту слабость я привезла из Парижа вместе с платьем и новым ощущением жизни. Мои парижские друзья каждый вечер водили меня в какой-нибудь маленький восточный ресторанчик – индийский, тайский, японский, турецкий…

Все это было прекрасно, но больше всего мне понравилась именно китайская кухня. Как удачно Андрей угадал мои вкусы. Или они просто совпали?

Я давно заметила: лучший способ выяснить отношения с кем бы то ни было – это вместе пообедать, не важно, дома или в ресторане. Если представления о вкусной еде категорически не совпадают, тогда наверняка во множестве найдутся и другие противоречия. Значит, люди просто настроены на разные волны. И скорее всего не смогут поговорить ни о балете, ни о литературе, ни о политике. Близость людей или их отчужденность проявляется во всем, даже в такой, казалось бы, мелочи, как гастрономические пристрастия. Меня, например, всегда раздражали мужчины, любящие сладкое. Вид мужчины, пожирающего сгущенку большой ложкой прямо из банки или какой-нибудь несусветный тортик, внушает мне настоящее отвращение, А пить сладкий чай или кофе – это просто абсурд. Зачем, спрашивается, портить естественный вкус благородного напитка?

Андрей не обманул. Утка действительно была великолепна. Все прочие закуски – тоже. Мне понравился интерьер ресторана и костюмы официантов. Очень просто и со вкусом, никаких дешевых стилизаций «под настоящий Китай». Хотя все столики были заняты, казалось, что мы ужинаем втроем, в уютном полумраке. Оценив выбор Андрея и придя в благостное настроение, я была готова стерпеть любую умопомрачительную новость.

Уильям Гиббонс разлил вино по бокалам и начал:

– Я думаю, вам известно, что родословная вашего мужа до недавнего времени обрывалась в середине восемнадцатого века. Именно тогда в Россию прибыл загадочный иностранец, по всей вероятности француз, и был принят гувернером в семью мелкопоместных дворян. В брачном свидетельстве тысяча семьсот пятьдесят второго года он записан как Иван Бесчастный… В России он прижился, завел семью, судьба его потомков более или менее ясна – Эндрю несколько лет работал в русских архивах и собрал практически все документы. А вот что было до того, как этот Иван Бесчастный попал в Россию, выяснить не представлялось возможным. До тех пор, пока нам в руки не попало одно любопытнейшее письмо.

– В мой прошлый приезд Гиббонс показывал мне, как работают местные архивы, – Андрей не выдержал и перебил его по-русски. Спохватившись, извинился, и продолжил: – Оказалось, у них тоже хранятся горы несистематизированных документов, и если среди них затерялось нужное тебе письмо – ни за что не найдешь. Мы и начали рассматривать одну из таких папок, перебирать документы, обсуждая, для чего мог бы пригодиться тот или иной. Большинство из них, конечно, были бесполезны. Какие-то открытки с поздравлениями, сомнительные любовные стишки… И вдруг… – тут Андрей сделал паузу, точь-в-точь по Станиславскому, глотнул вина, – я вижу письмо, датированное тысяча семьсот сорок шестым годом. Пишет некий деятель из английской тайной службы своему агенту в Кале. И пишет, что необходимо принять все меры к тому, чтобы схватить предателя, некоего Джона Рэндалла, который пытается сбежать во Францию под именем Жан Бошам.

В беседу вступил мистер Гиббонс:

– Я посмотрел на Эндрю и не понял, что происходит. Он держал в руках письмо и что-то бормотал про себя. Я разобрал только, что он повторяет имя Жан Бошам и какие-то русские ругательства. Потом он попросил бумагу и карандаш и написал это имя по-французски и год – тысяча семьсот сорок седьмой.

– Да я просто остолбенел! Ведь тысяча семьсот сорок седьмой – это год, когда в Россию приехал Иван Бесчастный. То есть Иваном он стал позже, когда немного обрусел и решил жениться, а сначала был записан как Жан Бошам, по-французски пишется Beauchamp. И вдруг та самая фамилия в письме! Конечно, это могло быть лишь случайным совпадением. Мало ли, как говорится, в Бразилии Педро… Но я решил проверить. Уильям был столь любезен, – Андрей слегка поклонился в сторону шотландца, – что согласился послать несколько запросов коллегам во Францию…

Признаться честно, я хотела спать. Меня не слишком интересовали подробности их нудной работы в архивах. Я не понимала, чем так интересен этот Жан-Иван-Джон и что изменится в жизни Андрея, если он выяснит, что его далекий предок был предателем и бежал из Англии. Виндзорский дворец ему все равно не светит. Как и замок в Шотландии. Я устала за день, а от вина и обильной еды меня начало клонить в сон. Я попыталась скрыть зевоту, но от Гиббонса это не укрылось.

– Давайте не будем утомлять очаровательную леди скучными деталями, – сказал он галантно. – Мы собирали истину о вашем предке по крупицам, давайте же соединим их в одно целое.

Андрей спустился с небес на землю, вздохнул и уже менее воодушевленно произнес:

– Хорошо, я постараюсь не увлекаться. Короче говоря, выяснилось, что Иван действительно был Джоном Рэндаллом, полное имя Джонатан Вулвертон Рэндалл, английский капитан, который несколько лет шпионил в пользу одного из шотландских кланов, оставаясь на службе у английской короны. После того как кланы были разгромлены в битве тысяча семьсот сорок пятого года, всплыли некие бумаги, неопровержимо уличавшие Джона Рэндалла в предательстве. Шотландские друзья, оставшиеся в живых, помогли ему бежать во Францию, но и там его не оставили в покое мстители-англичане. Доказательство тому – найденное нами письмо. Английский дворянин не нашел ничего лучшего, как стать французским гувернером в дикой России и учить недорослей. В России он женился, родил детей и мирно умер н почтенном возрасте шестидесяти четырех лет. Скончался от апоплексического удара. Ну вот. Теперь ты знаешь, что я немного англичанин.

– И к тому же в душе – борец за шотландскую независимость. Только не говори этого никому, если вдруг поедешь в Лондон. – Я была рада, что история закончилась.

Мы выпили за шотландцев, потом за историков, потом за свободу самоопределения и новый шотландский парламент. Было уже поздно, пора возвращаться в гостиницу. Я предчувствовала, что просплю автобус и завтра. Андрей предложил немного пройтись пешком, чтобы я могла посмотреть на город ночью, и вернуться на такси в «Королеву Мэри».

Мы были в самом центре Эдинбурга. Улицы уже опустели, лишь изредка мимо проезжали одинокие автомобили. Светились витрины и знаменитые красные телефонные будки. Над Старым городом возвышался величественный собор Сент-Джайлс, наполненный изнутри мягким желтоватым светом. Весенний воздух был не по-городскому чист. Пахло свежестью моря и почему-то солодом. Этот теплый, хлебный запах внушал чувство спокойствия и домашнего уюта.

Моя сонливость неожиданно прошла, и я чуть ли не с раскрытым ртом смотрела по сторонам. Ночной город казался удивительно мирным и уютным. Здесь не могло случиться ничего плохого. Я припомнила свою родную подворотню на Петроградской стороне и содрогнулась. Всякий раз, когда приходилось поздно возвращаться домой, задержавшись в гостях или в театре, я бежала от метро трусцой, втянув голову в плечи и вздрагивая при каждом шорохе за спиной. У метро было еще ничего, по крайней мере светло, но стоило свернуть за угол – и тут начинались такие трущобы с проходными дворами… Эдинбургские переулочки показались мне просто идиллическими. Хотя, несомненно, на них пролилось немало крови за многовековую историю города. Но я не хотела об этом думать. Я была рада, что никто не рассказывает мне об истории или архитектуре. Сейчас я хотела просто почувствовать дыхание города, хотя бы ненадолго представить себе, что здесь я не случайный гость.

– Что вы уже видели в Эдинбурге? – Гиббонс нарушил молчание и отвлек меня от нелегкого выбора: в каком из домов я хотела бы жить, в двухэтажном с красной черепичной крышей и садиком под окнами или в четырехэтажном с балконом, украшенном какими-то жуткими бестиями?

Не так много, если честно. Сегодня нас покатали по городу на автобусе, но ничего сногсшибательно интересного не рассказали. Да, мы выходили смотреть замок, несколько памятников… Завтра поведут в какой-то музей, а потом – слушать волынку. В общем, обычная программа для туристов.

– Вы знаете, сначала нам пообещали экскурсию в Стоунхендж, но я думаю, что это по ошибке. Все-таки Стоунхендж – в Англии. Далековато. А жаль – я давно мечтаю посмотреть на это таинственное сооружение. Я столько о нем читала…

– Вы говорите, Стоунхендж? Не думаю, что это возможно, ведь Стоунхендж находится на юго-востоке Англии, километров за шестьсот отсюда, – Гиббонс переглянулся с Андреем. Тот шел поодаль, но тут подошел поближе и кивнул.

– Я могу предложить вам кое-что не менее интересное, если вы сможете вынести несколько часов на автомобиле, бессонную ночь и после этого еще будете способны лазать по скалам.

Я была заинтригована. Что может сравниться со Стоунхенджем? Загадка Стоунхенджа до сих пор не разгадана. Его построили в каменном веке из мегалитов – огромных каменных плит – с неизвестной целью. То ли это храм, то ли астрономическая обсерватория – ученые сомневаются. Кто-то считает, что это следы пришельцев из космоса. И правда, как могли люди, единственным инструментом которых были каменные топоры, выстроить ровный круг из камней, вес которых измеряется десятками тонн? Им удалось разместить эти камни так, что четыре раза в год первый утренний луч солнца падает точно на определенную линию. И зачем им это понадобилось, ведь считается, что основным занятием первобытного человека было выживание. А может, мы недооцениваем умственные способности своих предков? Может, они знали что-то, чего не знаем мы?

– Стоунхендж действительно далеко и исхожен вдоль, и поперек, – голос Андрея вернул меня к реальности, – но в Шотландии еще есть уголки, куда не ступала нога туриста. Там сохранились нетронутыми сооружения, аналогичные Стоунхенджу, разве что меньших размеров. И что самое интересное, местные жители продолжают соблюдать обряды, история которых уходит в века. В один из таких уголков мы и собираемся. Если ты сможешь пропустить один день своего семинара – поедем с нами.

– А когда? Дело в том, что у меня как раз будет почти свободный день в четверг. Всю группу повезут в один из сохранившихся замков тринадцатого века. Я могу отказаться и поехать с вами.

– Прекрасно, именно в четверг мы и едем! Выезжаем с вечера в среду, к утру прибываем, оставляем машину в соседнем городке, а дальше – пешком. Сначала по лесу, потом по скалам. В предрассветном полумраке. Тебе не будут мерещиться чудовища за каждым кустом?

– Но ведь со мной будут сильные мужчины. Пусть они и выслеживают чудовищ. А я, слабая женщина, буду природой любоваться.

– Договорились. Можешь предвкушать встречу рассвета в дремучем лесу. Ну что, ловим такси?

Оказалось, что Гиббонсу никуда ехать не нужно, до его дома оставалось пройти несколько кварталов. Нам предстояло возвращаться в «Королеву Мэри» вдвоем. Впервые мы остались без нашего спутника. С его уходом исчезло и чувство непринужденности. Я избегала смотреть в глаза Андрею. Мне было немного страшно. Я чувствовала, как между нами возникает напряжение. В такси мы ехали молча, мне показалось, что Андрей тоже избегает смотреть на меня.

Он вышел из машины первым и подал мне руку. Меня как будто обожгло. Я вспомнила, как когда-то давно его пальцы прикасались ко мне. Гибкие, сухие и горячие, то легко ласкающие, то причиняющие боль… У меня перехватило дыхание – как всегда от его прикосновений.

В гостиницу мы вошли, держась за руки. В лифте он неожиданно с силой притянул меня к себе, обнял, осыпая поцелуями глаза, лоб, губы, и уткнулся мне в шею.

– Пойдем… Пойдем ко мне в номер, – прошептал он почти беззвучно.

Определенно, я не узнавала этого человека. Раньше он избегал столь открыто проявлять свои эмоции. Неожиданно для себя я поддалась его порыву. Во мне вдруг проснулись старые чувства, к которым примешивалось нечто новое, еще не понятное мне самой. Я ощущала какое-то опьянение. Не столько от вина и усталости, сколько от избытка впечатлений. Сегодняшний день был ими переполнен. Немного кружилась голова, сердце билось учащенно. Я обняла его, не понимая, что делаю. И ответила почти против своей воли, против разума, возмущенного подобной глупостью:

– Пойдем.

Глава вторая
КАМЕННЫЙ КРУГ

После той ночи я перестала себя узнавать, задавала себе вопросы и не находила ответов. Что было между нами? Только физическая близость или нечто большее? Зов плоти или зов души? Похоже, я запуталась в своих чувствах. Я не хотела и не могла жить с этим человеком, и ушла от него два года назад и в мыслях не имела возвращаться. Никаких «я изменюсь, давай начнем все заново». И вот меня неудержимо влечет к нему таинственная сила, парализующая волю.

Я не видела его во вторник. У меня был напряженный день, и я решила лечь пораньше, чтобы выспаться накануне нелегкого путешествия. Мне приснился странный сон. Мы были с Андреем в средневековом замке. И я была его пленницей. Я боялась его. Во сне он носил шотландский национальный костюм, а я почему-то была облачена в шелковую пижаму и от этого чувствовала себя еще более беззащитной. Я проснулась среди ночи с колотящимся сердцем.

Немного поразмыслив, я решила, что сон совершенно обычный, навеянный дневными впечатлениями. Шелковую пижаму я видела в магазине недалеко от гостиницы, она меня сразу покорила – немудрено, что она мне снится. Замок и шотландский костюм – тоже объяснимые образы, насмотрелась я на них за последние дни. Ну а то, что я оказалась в плену у Андрея, и вовсе не удивительно. Это лишь метафора того, что происходит со мной наяву. Так я рассуждала про себя, пока не уснула вновь. Утром ощущение смутного беспокойства не покидало меня. Но я решила, что просто волнуюсь из-за предстоящей поездки.

Беспокойство все усиливалось и усиливалось. Я трудом заставляла себя слушать сегодняшние лекции. Если бы меня попросили рассказать в двух словах, о чем говорили преподаватели в течение нескольких часов, я бы не смогла. Я ни о чем определенном не думала, просто переживала свое взвинченное состояние. Примерно так я себя чувствовала однажды после бессонной ночи, выпив пять чашек очень крепкого кофе. Я ощущала болезненное возбуждение и не могла сконцентрироваться ни на одной мысли, а время то еле тащилось, то вдруг летело вперед со страшной скоростью.

Наконец наступил вечер. Я сидела в своем номере и тупо перебирала бахрому на светло-желтом гостиничном покрывале. Зазвонил телефон. Это был Андрей.

– Ты готова? Мы выезжаем через два часа. Я хочу прийти к тебе прямо сейчас. Ты не против?

– Пожалуй, нет. Ты поможешь мне собрать вещи. Я что-то ничего не соображаю – что пригодится, а что нет.

– Жди через десять минут.

Он был бодр и подтянут. Одет, как всегда, в нечто на вид непритязательное, но явно недешевое. Я уверена, что если бы ему пришлось стать нищим, он согласился бы надеть только лохмотья от Джона Гальяно. Для дальнего путешествия и лазанья по скалам он оделся не менее тщательно, чем для приема по случаю вручения Нобелевской премии. На нем были вельветовые брюки болотного цвета, замшевые ботинки в тон, но чуть темнее, и кашемировый джемпер с закрытым горлом песочного оттенка. Надо сказать, все это очень шло к его светлым вьющимся волосам, серым глазам и легкой небритости.

Эстет, подумала я беззлобно.

– Ты еще не передумала? – поинтересовался он. – Нам предстоит проехать около трехсот километров на север, до самого Инвернесса. А машина у нас не слишком комфортабельная. Старенький «ситроен» Гиббонса. В нем трясет почти так же, как в «Жигулях». Ненавижу французские машины!

– О да! Как истинный англичанин, ты должен ненавидеть все французское.

Он достал из кармана сложенную в несколько раз карту.

– Я подозреваю, что в школе у тебя была двойка по географии. Решил провести ликбез. Надеюсь, теперь ты запомнишь, где находится Стоунхендж.

– Может быть. А мы, как я поняла, поедем в противоположном направлении?

– Да. Вот Эдинбург, вот Инвернесс, вот наша извилистая дорога. Мы будем проезжать горы, а в пятидесяти километрах к западу оставим озеро Лох-Несс. Надеюсь, у тебя нет большого желания познакомиться с лохнесским чудовищем?

– Ни в коем случае! С меня хватит и одного знакомого чудовища.

Чудовище усмехнулось и подошло поближе.

– Брысь! – сказала я. – Не вздумай прикоснуться ко мне своими грязными лапами. Ты пожалеешь!

– Я пожалею, если не прикоснусь к тебе немедленно. – Его взгляд не оставлял никакой надежды на избавление.

Примерно через полтора часа я сидела на полу в одной майке и рылась в дорожной сумке, вытряхивая из нее все лишнее. Андрей ползал на четвереньках по номеру в поисках пропавшего носка. Вокруг творилось нечто невообразимое. С трудом верилось, что такой беспорядок устроили два солидных взрослых человека, а не десяток резвящихся школьников.

Мы еле успели собраться к назначенному времени. Гиббонс уже сидел в холле и нетерпеливо поглядывал на часы. Он выглядел как человек, действительно собравшийся лазать по скалам. Неопределенного вида штаны, разношенные кроссовки и непромокаемая курточка с капюшоном. При первом же взгляде на него я живо вспомнила толпы таких вот неприметных старичков, штурмующих по весне пригородные электрички. Мы начали хором извиняться, но он только махнул рукой, пробормотав что-то вроде: «Эх, молодежь…»

Мои пунцовые щеки и растрепанная шевелюра говорили сами за себя. Ужасно неловко. У меня на лице всегда написано, о чем я думаю. А сейчас на нем было написано, чем я занималась несколько минут назад. Мы виновато переглянулись и направились вслед за шотландцем к автомобильной стоянке, которая находилась за гостиницей.

Тут нас ждал небольшой сюрприз. Уильям Гиббонс уверенно подошел к шикарному серебристому автомобилю и торжественно сказал:

– Прошу!

– Это и есть обещанная мне не слишком комфортабельная машина? Тот самый «ситроен»? – поинтересовалась я недоверчиво.

– Нет, это не моя развалюха, если вы говорите о ней. Ради такого случая я одолжил машину своего старого друга. Мне не хотелось мучить вас, Джулия, путешествием на дребезжащей консервной банке. Что поделаешь, заработки скромного историка не позволяют обзавестись чем-либо подобным, – он кивнул в сторону серебристого чуда.

– Ваш друг, очевидно, арабский шейх?

– Нет, он всего лишь вице-президент компании «Скоттиш газ». Кроме всего прочего, в его распоряжении находится целый оркестр волынщиков. Он предлагал их услуги, но я пока отказался.

– И правильно. Даже один волынщик способен порядком отравить жизнь своей заунывной игрой. Целый оркестр, должно быть, просто невыносим.

Я повеселилась, представляя себе процессию волынщиков, марширующих вслед за нашим автомобилем. Оказалось, что друг Уильяма одолжил ему вместе с машиной и шофера. Мы погрузились и отправились в путь. Ехать предстояло часа четыре с половиной. С тех пор как погибли родители и брат, автомобили я недолюбливала. Признаться, я их немного побаивалась и всякий раз всем телом ощущала исходившую опасность. Но в этой машине можно

было забыть обо всем. Даже о том, что ты в машине. Быстрая и бесшумная, с кондиционером и мягкими сиденьями – последнее достижение цивилизации.

Я придвинулась поближе к окну и погрузилась в созерцание. На улице уже темнело. Весенние сумерки мягко обволакивали все вокруг, делая очертания города таинственными и неопределенными. Мои спутники заговорили о своем. Я не прислушивалась. Кажется, они снова обсуждали английского предка Андрея, шесть раз прадедушку, если я правильно посчитала.

Шесть раз прадедушка, похоже, был тот еще типчик. Он, прикрываясь службой английской короне, выполнял роль агента-провокатора. Он всячески подстрекал шотландцев к восстанию. Засылал к горцам шпионов-агитаторов, которые провоцировали их на выступления против власти англичан. Он жестоко преследовал, тиранил местных жителей, вызывая их гнев и возмущение, и тем самым толкал их на борьбу против Англии. Поистине иезуитская изощренность. Неизвестно, зачем он все это делал: то ли для того, чтобы уничтожить мятежников, то ли наоборот, чтобы поддержать их, когда придет время. И все сходило ему с рук, этому садисту, хотя на него неоднократно жаловались. Ведь ему покровительствовал некий герцог Сандринхэмский, тайный якобит и могущественная особа при дворе. Все свои черные дела предок, оказывается, творил совсем неподалеку от тех мест, куда мы сейчас направлялись.

Было еще темно, когда мы подъехали к небольшому городку к востоку от Инвернесса. Я дремала большую часть пути – мне снилась удобная гостиничная постель – и была очень недовольна, когда меня разбудили и заставили вылезти из теплой машины в бодрящий холод весенней ночи.

– Если хотите, Джулия, можете остаться здесь, – предложил Гиббонс. – Здесь есть где переночевать. Что-то вроде местной гостиницы, то, что называют «bed & breakfast». Вы отдохнете, а мы с Эндрю вернемся днем.

Соблазн был велик, но я глубоко вдохнула свежий, почти звенящий воздух и решительно сказала:

– Нет уж. Я тоже пойду с вами. Я прекрасно отдохнула по дороге. Так как называется это таинственное место?

– Оно вовсе не таинственное и называется Грэт-на-Дан, – ответил Андрей. – Осталось совсем немного: пройти чуть меньше четырех километров и влезть на скалу, с которой будет удобнее всего наблюдать, как местные жители исполняют обрядовый танец.

– Я надеюсь, это не очень большая скала?

– Это очень маленькая скала. Просто холмик. Вы и не заметите, как окажетесь на вершине, – фальшивым голосом сказал Гиббонс.

– Ладно, черт с вами. – Я обреченно махнула рукой, и мы отправились в путь.

Пробираться в кромешной тьме по узенькой лесной тропинке было нелегко. Сначала я часто спотыкалась, наступая на какие-то кочки, и все время хваталась за Андрея. Потом все-таки привыкла идти по неровной почве, перестала вздрагивать от каждой ветки, задевшей меня по лицу, и стала находить в этой прогулке свою прелесть. Лесной воздух был так легок, а тишина – так безмятежна…

Скала оказалась настоящей отвесной скалой, поросшей кустарником.

– Как мы сюда залезем? Я в жизни не занималась альпинизмом!

– Не боись, Джулия. Старина Гиббонс знает одну извилистую тропинку, которая ведет к вершине. Ей с давних времен, пользуются местные жители. Чем мы хуже? – Андрей пихнул меня локтем в бок, как мальчишка. Его глаза блестели в темноте, на физиономии расплылась довольная улыбка. Ему нравилось это путешествие, ему нравилось запугивать меня трудностями и, помучив немного, успокаивать. Вечные кошки-мышки.

– Ну что, полезли? – нетерпеливо спросил Гиббонс.

– Полезли! – хором ответили мы.

Тропинка петляла в зарослях кустарника, огибая отвесные склоны. Под ногами осыпались камни, и, чтобы не упасть, приходилось хвататься за колючие ветки. Но все это было вполне терпимо. Пока мы продирались сквозь колючки и протискивались между валунов, небо стало слегка светлеть. Близился рассвет.

На вершине мы сели передохнуть. Отсюда открывался великолепный вид. Мы же могли оставаться незамеченными, укрытые выступом скалы и кустарником. Внизу на открытом пространстве были выстроены в круг огромные камни, каждый высотой примерно в два человеческих роста и соответствующего объема. Внутри круга располагался самый большой камень, будто расколотый пополам ударом нечеловеческой силы. Это был алтарь. От всего этого сооружения веяло такой древней мощью и силой, что по моей спине побежали мурашки. Я смотрела и думала о древних людях, которые прилагали поистине фантастические усилия, чтобы построить этот храм. Камни явно не местного происхождения. Поблизости ничего подобного не было. Значит, их притащили Бог знает откуда и водрузили здесь, на этой поляне. На это мог потребоваться труд не одного поколения.

Мои спутники зашуршали мешками и вытащили на свет Божий бутылку минеральной воды, что-то завернутое в салфетку и – что было особенно приятно – жестяную коробку с моим любимым песочным печеньем.

– Нужно поесть. Позже не будет времени, – сказал Андрей. – Скоро рассвет. Вот-вот внизу появятся люди, чтобы встретить его по старинному обычаю. Я не хочу ничего пропустить.

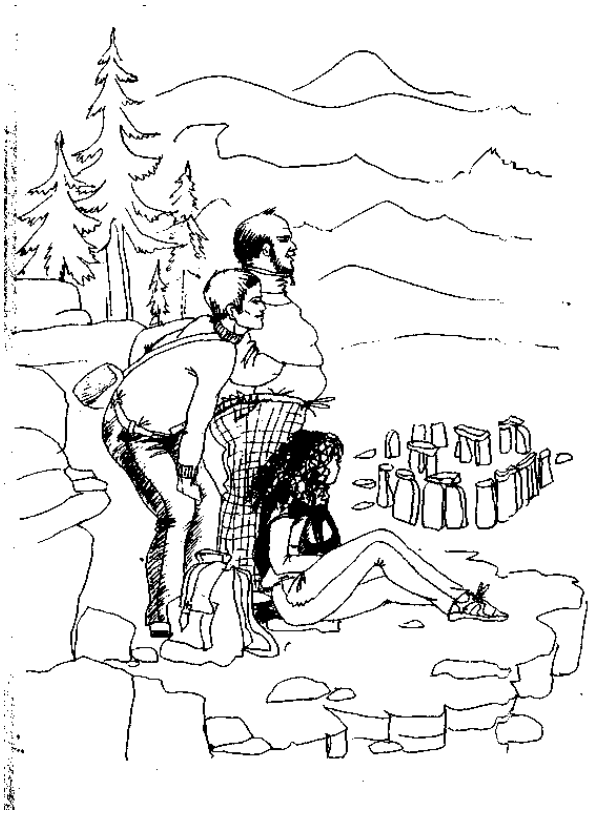
– Они всегда встречают рассвет именно здесь? – спросила я с набитым ртом.

– Четыре раза в год. В дни весеннего и осеннего равноденствия и летнего и зимнего солнцестояния. Сегодня как раз день весеннего равноденствия. Потому мы здесь, – ответил Гиббоне.

Через несколько минут от припасов ничего не осталось. Мы расселись поудобнее (насколько это было возможно на небольшой каменистой площадке) и стали смотреть вниз. Жрицы древнего культа не заставили себя ждать. Их вид меня разочаровал. Обыкновенные женщины, молодые и средних лет, одетые в современную одежду, собрались у камней. Их было пятнадцать. Каждая из них держала в руках небольшой сверток, как будто бы собралась в баню. Не знаю, чего я ждала, но только не жриц в джинсах. Никакой мистики, никакой романтики, все чертовски прозаично. Они попрятались по кустам и вскоре появились вновь, уже облаченные в одинаковые белые балахоны. При ближайшем рассмотрении балахоны оказались обыкновенными простынями, обернутыми вокруг тела и закрепленными на левом плече.

Я еле сдерживалась, чтобы не захохотать. Тем временем жрицы деловито выстраивались в круг. Каждая стояла у своего камня. Одна из них, пожилая женщина, видимо главная, встала у алтаря. Она взмахнула рукой и высоким резким голосом запела. Скорее, это было не пение. Она произносила речитативом какой-то текст на непонятном мне языке. Андрей шепотом сказал, что это гэльский язык, а песне-молитве Бог знает сколько тысяч лет.

Словам главной жрицы начали вторить другие женщины, их подхватывало и умножало эхо. И вдруг мне показалось, что нарастающий звук исходит от самих камней. Женщины стали двигаться. Они раскачивались на месте, поднимая руки, сходились в круг и расходились вновь, не переставая петь. Этот странный хоровод зачаровывал. Я забыла о том, что живу в двадцатом веке, что смотрю на обычных теток, одетых в простыни. Во мне проснулось что-то первобытное, дикое, жаждущее чуда…



Я украдкой посмотрела на Андрея. Он не был похож на очарованного человека. Скорее, в его глазах читался научный интерес. Он внимательно всматривался в женщин, очевидно отмечая их перемещения, и что-то ел слышно бормотал про себя. Гиббонс что-то зарисовывал в блокноте.

Внезапно женщины внизу замерли на своих местах и замолкли. В эту секунду они стояли, разделившись на два полукруга. Главная жрица простерла руки к небу и громко выкрикнула какие-то слова. Смолкло эхо, и вот на горизонте показался край сияющего диска. Первый луч восходящего солнца упал на алтарный камень и осветил его, пройдя ровнехонько по той линии, которая разделяла танцующих. Женщины встретили это радостными возгласами. По-видимому, обряд закончился.

– Через некоторое время они разойдутся, и мы спустимся вниз. Осмотрим место, – вполголоса сказал Гиббонс.

Я с трудом приходила в себя. Казалось, овладевшие мной темные силы отступили ненадолго, но в любой момент могут вернуться и смести в одну секунду всю цивилизованную оболочку. Все мы первобытные люди, только притворяемся цивилизованными, ведь этого требует от нас общество. Но если вдуматься, как хрупка цивилизация, как эфемерны ее достижения… Достаточно небольшого наводнения или извержения вулкана – и гибнут города, а люди оказываются так же беззащитны перед буйством стихии, как и тысячи лет назад. А что сказать о буре первобытных эмоций, которая бушует в каждом из нас в экстремальной ситуации!

Андрей обсуждал увиденное с Гиббонсом. Похоже, они были довольны. Удовлетворили свой научный интерес. К тому же поиграли в подглядывающих мальчишек, ведь именно такой мальчишка живет в каждом мужчине.

– А почему там были только женщины? – спросила я.

– Дело в том, что это очень древний культ, относящийся к временам матриархата. Тогда женщина стояла во главе рода, женщина была связана с потусторонним миром, а мужчине

оставалось лишь служить женщине. Позже женщины лишились власти, но тайные женские союзы сохранились. И дожили до сегодняшнего дня. Я думаю, сейчас эти жрицы не понимают и половины того, что делают и произносят. Они механически повторяют то, чему их научили матери, а тех – бабушки. А смысл затерялся в веках, сам обряд оброс позднейшими изменениями. То, что мы сейчас видели, не имеет ничего общего с подлинным обрядом, который, по-видимому, пришел с севера, из Скандинавии. Нужно приложить немало усилий, чтобы вычленить сохранившиеся древнейшие элементы. – Андрей задумчиво поглаживал подбородок.

Женщины разошлись, тихо переговариваясь между собой. Мы еще немного подождали для верности и стали спускаться. Спуск оказался сложнее, чем подъем. Несколько раз я была близка к тому, чтобы покатиться кубарем вниз по склону. Когда наконец мы добрались до ровной земли, мои ноги тряслись и подкашивались. Я чувствовала, что обратный путь мне не под силу. Андрей тоже заметно устал. Он тяжело дышал, на лбу блестели мелкие капельки пота. Его элегантные ботинки от пыли приобрели неопределенно-серый цвет и превратились черт знает во что. Только Гиббонс, казалось, был неутомим.

– В моих родных местах не было ни одной ровной дорожки. Только извилистые горные тропки, – улыбнулся он на мой удивленный взгляд.

Мы разбрелись между камней. Андрей и Уильям говорили о том, что каждый камень соответствует определенному светилу. Они говорили о древних временах, когда люди поклонялись силам природы, солнцу и звездам, и из первобытной магии постепенно выросла наука. Свидетельство тому – эти огромные каменные глыбы, расположенные строго в определенном порядке. Потребовались невероятно точные расчеты и труд поколений, чтобы возвести этот храм, не блещущий архитектурным изяществом, но слитый с самой природой, наполненный ее силой.

Я подошла к алтарному камню. Его поверхность была выщерблена дождями и ветрами. Мне захотелось прикоснуться к этой шершавой поверхности. Я протянула руку и услышала странный звук. Не то жужжание, не то гудение. То ли большой шмель пролетел совсем рядом, то ли автомобиль пронесся вдалеке. Я отдернула руку. Звук прекратился. Может, в ушах звенит от усталости? Я снова потянулась к камню, и моя ладонь ощутила созданный природой рельеф. Снова послышалось гудение. Я поняла, что это гудит камень. Я хотела позвать Андрея, сказать ему об этом, но тут на меня навалилось что-то дикое, страшное, лишающее воли и разума.

Я лежала на чем-то жестком и неудобном. Меня окружала кромешная тьма. Через пару секунд я поняла, что мои глаза закрыты. Я пошевелила руками, потом ногами. Все, кажется, в порядке. В висках отдавался пульс. Частый, но ровный. Я чуть приоткрыла левый глаз и тут же зажмурилась. Ничего не произошло. Тогда я открыла оба глаза и обнаружила, что сквозь сгущающиеся сумерки проступают силуэты деревьев. Я лежала в лесу на искривленных корнях здоровенного дерева. Как меня сюда занесло, где Андрей и почему сейчас опять ночь? Последнее, что я помнила, было ясное утро.

Я уселась на один из корней и осмотрелась. Невдалеке от меня высился каменный круг. Как я оказалась за его пределами? Я же помню, что была внутри круга и рассматривала алтарный камень. Возможно, я потеряла сознание и скатилась вниз под уклон. Думать получалось плохо. Голова трещала. Мысли расползались. Вдруг вдали я услышала крики, конское ржание и одиночные выстрелы. Как можно охотиться ночью? Через несколько минут между деревьями замелькали красные мундиры, вновь послышались выстрелы. Такие костюмы я позавчера видела в музее, на экспозиции, посвященной войне Шотландии за независимость. Красные мундиры и красные бриджи носили злодеи-англичане.

Всадники исчезли из поля моего зрения. Судя по всему, они кого-то преследовали. Тут я увидела, как человек в кильте с театральной выразительностью грозит кулаком вслед умчавшимся англичанам и что-то выкрикивает, видимо проклятия. Так вот в чем дело! Кажется,

здесь снимают фильм на историческую тему. Очередное «Храброе сердце», в главной роли Мэл Гибсон. Но на кой черт им снимать ночью в лесу, да еще в такой глуши? По-моему, проще построить павильон с декорациями. Очевидно, странные причуды режиссера. Я плохо разбираюсь в съемках, но где же операторы с камерами и осветители с их огромными лампами? Может, режиссер специально заставляет своих актеров бегать ночью по лесу и таким образом вдохновляется? В любом случае, не стоит вмешиваться в творческий процесс. Я встала и направилась в сторону от места съемок.

Неожиданно сзади и чуть справа от меня раздался тихий шорох, хрустнула веточка, и я почувствовала чью-то руку на своей талии, а вторая чья-то рука зажала мне рот. Рука была мне знакома. Андрей! Но что за дурацкую игру он затеял?

– Пусти же меня, чудовище. Что это за шутки? – промычала я сквозь жесткую ладонь.

Я высвободилась, ожидая увидеть знакомую ухмыляющуюся физиономию. Неплохо бы закатить по ней пощечину, думала я мечтательно, за дурацкие шутки, за то, что бросил меня в лесу, и вообще за все. Но передо мной стоял незнакомый человек в красном мундире с какими-то золотыми нашивками. Видимо, один из актеров. Скорее всего, играет офицера.

– Так вы не Эндрю… – Я была разочарована.

– Нет, – подтвердил он. – Впрочем, так зовут моего кузена. Но вряд ли вы путаете меня именно с ним, мы нисколько не похожи.

Не знаю, как насчет семейного сходства с кузеном, но я с ужасом поняла, что он чертовски смахивает на Андрея. То же сложение, тот же разрез серых глаз, те же вьющиеся светлые волосы. Только у этого актера волосы были длиннее, убраны с лица и перевязаны лентой. И его кожа была темнее, чем у Андрея, она казалась загрубевшей от солнца и ветра. Любопытно. Может, это какой-нибудь дальний шотландский родственник Андрея, о котором он и сам не знает? К примеру, у этого самого шесть раз прадедушки могли остаться дети в Шотландии. Может, он тут беременную жену бросил, а сам сбежал в Россию. И с тех пор живут на свете две ветви семьи Рэндалл – русская и шотландская.

– Как вас зовут и кто вы такой? – спросила я требовательно. Он все еще держал меня за талию, что было не слишком приятно.

– Имею честь представиться: капитан Джонатан Рэндалл, эсквайр, к вашим услугам, – он отвесил шутовской поклон. – А вот вы кто такая? Что вы здесь делаете, одна, в столь поздний час и в столь неподходящей одежде?

– Хотела бы я это знать, черт побери! – ответила я. Интересно, чем ему не понравилась моя одежда? Брюки как брюки, разве что грязные. Но как он себя назвал? Джон Рэндалл? Неужели далекий предок Андрея такой важный персонаж местной истории?

– Вы были здесь не одна, с неким Эндрю. И кто же он такой? Местный пастух? Или крестьянин? Вряд ли, от вас не пахнет навозом. Как ваше имя, мадам? – Наглый актер довольно крепко сжал мой локоть.

– Джулия Ормонд! Но я не снимаюсь в вашем фильме, меня уже пригласил Никита Михалков! – Я начинала злиться. Почему я должна отвечать на его вопросы? – Пустите меня, я не собираюсь мешать вашим съемкам. Я просто хочу понять, где я нахожусь и где мой муж. Он должен быть неподалеку, наверное, ищет меня.

– Жюли Арман… – Он повторил имя американской актрисы с нарочито французским произношением. Похоже, он поверил, что это мое настоящее имя. Актер, который не слыхал о Джулии Ормонд, – странный актер.

– Француженка, которая случайно оказалась на поле боя. Любопытно. Вы говорите, с вами был ваш супруг? Что же произошло с ним, с вашими лошадьми и слугами? Вы не заставите меня поверить, что леди из высшего общества путешествует пешком и без сопровождения, да еще в таком нелепом костюме. – Он все еще держал меня за локоть.

– О да! Разумеется, у нас были лошади и примерно десяток слуг, но они разбежались, едва заслышав выстрелы. Оставьте меня в покое, сумасшедший!

Меня раздражал этот заигравшийся актер. Я дернулась и оставила у него в руках половину своего рукава, но удрать мне не удалось. У него была крепкая хватка. Впервые я пожалела, что не занималась спортом и прогуливала школьные уроки физкультуры. Кто ж знал, что я попадусь в лапы какого-то ненормального…

– Не спешите, мадам Арман. Я должен выяснить, с какой целью вы здесь находитесь. Признайте, обстоятельства указывают на то, что вы оказались в этой местности неслучайно. Ваш странный маскарад не введет меня в заблуждение. Почему вы подстригли волосы и переоделись в мужской костюм? Уж не потому ли, что вы французская шпионка и пытаетесь бежать?

– Прекратите задавать мне идиотские вопросы. Где ваш режиссер, в конце концов? Я случайно оказалась в этом проклятом лесу и не собираюсь играть в ваши игры. Роль Джона Рэндалла удалась вам прекрасно, не спорю, но всему есть пределы. Я не актриса! А вы не Джон Рэндалл!

– Режиссер? Актриса? Вы изъясняетесь очень странно. И смею вас уверить, я и есть капитан Рэндалл, командующий фортом Уильямс.

У меня кружилась голова. Капитан Рэндалл. Джонатан Вулвертон Рэндалл, двойной агент, французский гувернер, скончался от апоплексического удара в возрасте шестидесяти четырех лет. Я брежу. У меня был солнечный удар, я упала и ударилась головой, и все это – плод воспаленного воображения. Сейчас я приду в себя, галлюцинация исчезнет, и я увижу Андрея и Гиббонса. Кажется, героини книжек в таких случаях щиплют себя за руку. Я тоже на всякий случай ущипнула себя за руку. Но, как обычно бывает в книжках, Джонатан Рэндалл, капитан, командующий фортом Уильямс, не исчез. Он продолжал говорить:

– Вы удивлены? Не ожидали меня встретить. Видимо, я нарушил ваши планы. Что ж, сударыня, соблаговолите отправиться со мной в форт, где мы сможем спокойно побеседовать. Я уверен, что вы сообщите мне немало интересного. Всегда приятно пообщаться с изысканной дамой. А вы несомненно изысканная дама. Вы не крестьянка. Эти духи, эта нежная кожа, тонкие пальцы и эта дорогая обувь великолепной работы выдают вас с головой..

Дорогой обувью он назвал мои уличные ботинки на толстой подошве со шнурками, довольно-таки грязные и разношенные. Идиот. Что он, дорогой обуви не видел? А может, и не видел. Черт побери, что же происходит? Мне нужно сосредоточиться и вспомнить, что произошло, а этот тип не оставляет меня в покое.

Вдруг он с силой толкнул меня в сторону. Спиной я оказалась прижата к стволу какого-то дерева. Я ощутила на своем лице его дыхание, в котором смешивался запах табака и алкоголя. Его руки бесцеремонно схватили меня за плечи, а губы впились в мои. Это было отвратительно. Я пыталась отвернуться, вырваться из этих диких объятий, но он только крепче сжимал меня. Я лихорадочно соображала, что делать. Ни разу в жизни я не сталкивалась с насилием. Очень давно я читала какие-то советы для женщин, подвергшихся нападению, но они сейчас совершенно не годились. У меня не было при себе газового баллончика или маникюрных ножниц. Ни к чему было кричать «Пожар!», все равно никто не придет на помощь. Не получится и бежать к ближайшей остановке или освещенной витрине – в лесу не ходят троллейбусы и не работают магазины. Совет не злить насильника криками и сопротивлением показался мне и вовсе странным. И я постаралась завизжать как можно громче, одновременно пнув его коленом куда придется. Пришлось, видимо, куда нужно. Капитан Рэндалл зашипел и согнулся пополам.

Я оттолкнула его и побежала не разбирая дороги. Впрочем, никакой дороги и не было. Через несколько шагов я споткнулась и налетела головой на дерево. Дерево охнуло и громко выругалось. Подняв глаза, я обнаружила, что дерево одето в шотландский костюм и физиономией сильно смахивает на горца. Рыжие взлохмаченные космы, квадратная челюсть, маленькие глазки и бычья шея. Красавец мужчина.

Красавец зажал мне рот ладонью и потащил куда-то, не давая опомниться. Неужели еще один маньяк, подумала я. Но он тащил меня так деловито, что я успокоилась. По-видимому, он не испытывал эротического интереса к моей персоне. И на том спасибо.

Он приволок меня на поляну, где, как мне показалось, никого не было. Но вдруг из-за кустов выступили смутные тени, оказавшиеся десятком вооруженных шотландцев, одетых, как и полагается, в клетчатые пледы и кильты.

– Эй, Руперт, что за странную добычу ты нам принес? – Один из них приблизился и насмешливо смотрел на меня. Он говорил с легким шотландским выговором, хотя его речь и звучала как речь образованного человека.

– Да вот услышал, как капитан Рэндалл беседует с дамой, и не слишком-то вежливо. Даме, видать, такой разговор не понравился, она и убежала. Я слышал, как он назвал ее французской шпионкой. Думаю, ты, Дугал, сам разберешься, что к чему, – ответствовал Руперт.

Его простонародный говор, по-видимому, не был искажен образованием. Капитан Рэндалл, насколько я могла судить, изъяснялся на чистейшем английском. Тот, кого назвали Дугал, начал с того, что слово в слово повторил вопрос капитана Рэндалла:

– Как вас зовут, мадам, и как вы оказались одна в лесу и в таком нелепом виде?

Чем им всем не нравится мой вид?! Неужели они ни разу не видели женщины в брюках? Даже в этой глуши жрицы солнечного культа разгуливают в джинсах как ни в чем не бывало. Но эти странные люди, похоже, не понимают самых обычных вещей. Сложно предсказать их реакцию, если я сообщу им, что меня зовут Юлия Ратникова и я приехала из России на семинар. Еще неизвестно, знают ли они, что такое Россия. Меня спас Руперт, ответив за меня:

– Она назвалась Джулией Ормонд. Сказала, путешествовала с мужем и слугами, но те разбежались, едва заслышав выстрелы.

– Это правда или вы солгали Рэндаллу? Не пытайтесь обмануть меня, – Дугал говорил начальственным тоном. Похоже, он и был здесь главным.

Я слегка оторопела. Все участники этой военно-исторической авантюры слишком увлечены своей игрой. Черт их знает, что они сделают с незнакомкой, случайно попавшей в их придуманный мир. Лучше подыграть им сейчас. Не может же игра длиться вечно… Главное – обойтись без лишних деталей, иначе эти сумасшедшие заподозрят меня во вранье. Чертовски странная съемочная площадка… Жалостливым голосом я начала:

– Я не уверена… То есть мы ехали… и вдруг раздались выстрелы… Я не успела понять, что происходит, и, наверное, потеряла сознание. Когда я очнулась, вокруг никого не было. А Эндрю… – Я вдруг всхлипнула по-настоящему.

На меня навалилась безумная усталость. Встреча и неожиданная разлука с Андреем, бессонная ночь, утомительный путь на Грэт-на-Дан, абсурд последних часов, неизвестность, глупые игры незнакомых и грубых людей… Судя по их виду и выражению лиц, они были очень и очень опасны. Я предпочла бы избежать встречи с ними даже днем на шумной городской улице – хотя в городе и не встретишь таких колоритных разбойников. Но сейчас у меня не было выбора. Я столкнулась с ними в чужой стране, в глухом лесу и должна была играть по их правилам.

Я громко зарыдала, не выдержав всего, что свалилось на меня сегодня. Видимо, мои рыдания их тронули или же у них были заботы поважнее, но меня оставили в покое. Я сидела на сыром холодном камне под кустом и оплакивала свою несчастную судьбину, украдкой осматриваясь на новом месте. Неподалеку от меня прохаживался Руперт с видом, не оставляющим сомнений относительно возможности сбежать. Да я и не собиралась бежать. Я была слишком измучена сегодняшними приключениями, часть из которых оставалась для меня непонятной. Образ капитана Рэндалла еще не изгладился из моей памяти, его поцелуй был груб и в то же время болезненно знаком мне. Я не стремилась нарваться на него еще раз. Руперт, Дугал и кто там еще могут не беспокоиться.

Не знаю, сколько времени я провела в ожидании. Может, полчаса, может, час. Послышался шум, и на поляну вышли еще двое шотландцев, тащившие третьего. Очевидно, он был тяжело ранен. Он приглушенно стонал, голова безвольно моталась из стороны в сторону.

– Господи милосердный, да это же Джейми! – воскликнул мой страж и подбежал к вновь прибывшим, оставив меня на произвол судьбы.

– Его ткнул штыком один из красных мундиров. Он упал с лошади и вывихнул плечо, – объяснял кто-то из темноты.

– Зато я жив, а этот парень уже не увидит рассвета, как и еще с десяток других, – на удивление бодро заметил сам раненый. – Но нужно поторопиться, иначе нас накроет большой отряд англичан. Сейчас они ищут нас как черти.

Все обитатели поляны собрались вокруг раненого, издавая разнообразные восклицания. Больше всего их беспокоило, впрочем, не самочувствие бедняги Джейми, а то, что он не может ехать верхом. Про меня забыли. Это был шанс незаметно ускользнуть от шайки Дугала. И попасть в руки большого отряда красных мундиров? Нет уж. И я осталась сидеть где сидела. Реальность происходящего становилась все более отчетливой. Это не розыгрыш и не киносъемки. Раненый настоящий. Кровь настоящая. Выстрелы не холостые. Может, я попала к шайке местных бандитов? Но почему они облачены в старинные костюмы и, насколько я могла судить, пользуются весьма несовременным оружием? А может, это еще один старинный обряд? Что-то вроде ритуального сбора клана. Я успела заметить, что почти все, кто был на поляне, носят цвета одного клана. Неожиданно ко мне подошел Дугал.

– Мы должны ехать немедленно. Если вы английская шпионка, вы донесете англичанам, которые будут здесь с минуты на минуту, в каком направлении мы отправились. Если же англичане ваши враги – было бы бесчестно оставить вас без защиты. Так или иначе, вы отправляетесь с нами, – сказал он тоном, не терпящим возражений. – У нас нет лишней лошади, поедете со мной.

Я поплелась за ним. Хорошенькое дело – делить одну лошадь с этим шотландским чудовищем. Еще неизвестно, что страшнее – лошадь или сам Дугал. Издали лошадь кажется красивым, изящным животным, но вблизи… Я с трудом представляла, как на нее можно забраться. Потом, они же кусаются, брыкаются и лягаются. Но перечить Дугалу было еще страшнее. При взгляде на него я припоминала фильмы из средневековой истории. Примерно так выглядели жестокие рыцари, мучители крестьян и невинных девушек. Придется смириться. Хотя бы ради того, чтобы потянуть время и узнать, где я.

– Вашу ногу! – Дугал неожиданно опустился на колено рядом со мной, я смотрела на него непонимающим взглядом. – Левую ногу, – добавил он с видимым отвращением.

Я торопливо сменила правую ногу на левую и не без усилий оказалась в седле, вернее сказать, взгромоздилась в седло. Все когда-нибудь приходится делать в первый раз… Дугал ловко вскочил в седло сам, и вот я сидела перед ним и с опаской поглядывала вниз. Повыше, чем на велосипеде. Больнее падать. Можно и шею сломать. Тем временем на другую лошадь без особых церемоний погрузили раненого Джейми, и вся компания отправилась в путь.

Трясясь на лошади и ощущая спиной крепкую фигуру Дугала, увешанную оружием, я думала, каково же сейчас несчастному Джейми с воспаленной раной и вывихнутым суставом. Каждое движение должно причинять ему нестерпимую боль. В рану могла попасть инфекция, ее нужно немедленно обработать, а вывих вправить.

Иначе будут серьезные осложнения. Но о медицинской помощи эти люди, похоже, и вовсе не думают. Они что, не слыхали о заражении крови? Моему возмущению не было предела.

Мы выехали на открытую местность, и я стала осматриваться вокруг, чтобы найти хоть какие-то ориентиры. Слева за перелеском высилась та самая скала, на которую мы несколько часов назад карабкались с Андреем. Я узнала ее характерные очертания. Итак, я все еще находилась не слишком далеко от местного Стоунхенджа. Но тогда справа вдалеке должны быть

огни Инвернесса. Огней не было. Темнотища, хоть глаз выколи. Авария на электростанции? Может быть, может быть. Как говорят англичане, may be yes or may be no, may be rain or may be snow[1]…

С ума можно съехать. Похоже, что эти люди живут не в двадцатом веке. Пледы, кильты, старинное оружие, лошади, устаревшие обороты речи, вражда с англичанами… Другая эпоха. Это невозможно сыграть или подделать. Это чистая правда, не фальшивка. И в Инвернессе нет света, потому что нет электростанции. Господи, куда же я попала?!

Если встреченный мною в чаще Джонатан Рэндалл был действительно тем самым Рэндаллом, предком Андрея, то я нахожусь в восемнадцатом веке. Видимо, до тысяча семьсот сорок седьмого года. Поскольку после предок переехал в Россию, где и скончался от апоплексического удара. Какая нелепица: встретить предка Андрея! А где в таком случае сам Андрей? А он в таком случае еще не появился на свет. Отлично сказано: мой бывший муж еще не родился. Не попасть бы в психушку.

Этого не может быть. Я уверена, что всему происходящему найдется разумное объяснение. Не нужно ударяться в фантастику. В конце концов все закончится хорошо и мы с Андреем еще посмеемся над моими приключениями. Заблудилась в трех соснах, встретила экстравагантную съемочную группу и тут же решила, что путешествую во времени. Вот что значит начитаться научной фантастики и фэнтези. Но не слишком ли много случайностей?

Я застонала. Эти размышления причиняли мне почти физическую боль. Дугал обеспокоенно спросил:

– Мадам, с вами все в порядке? Вы не ранены?

– Я… нет-нет, я невредима… но вот мой муж… мой бывший муж… – пробормотала я бессвязно.

– Я сочувствую вашему горю, мадам, но вы уверены, что вашего мужа действительно нет в живых? Возможно, ему удалось спастись и он разыскивает вас?

– О нет, я абсолютно уверена, что его нет на этом свете… – Я снова искренне залилась слезами, но не стала уточнять, что моего мужа еще нет на *этом* свете.

Мы ехали довольно долго. Мои мышцы занемели, я не чувствовала своих ног. Несколько раз приходилось делать недолгие остановки, потому что раненому Джейми становилось плохо. Наконец, когда я почувствовала, что вот-вот потеряю сознание, мы добрались до небольшого домика, сложенного из серых камней. Избушка на курьих ножках по-шотландски… Всадники спешились, Дугал стащил меня с лошади и буквально внес внутрь. Следом вошел Руперт, тащивший Джейми. Джейми был бледен как полотно, однако находил силы криво улыбаться на какие-то шуточки Руперта.

Домик был населен. Нас встретила пожилая женщина, одетая довольно странно: длинная грязная юбка, блуза с длинными рукавами, наполовину прикрытая чем-то вроде жилетки или корсажа. Еще одна актриса? Она тотчас же подложила дров в очаг, усадила раненого поближе к огню и принесла здоровенную флягу. Нетрудно было догадаться, что булькает внутри. Фляга пошла по кругу. Ее продвижение сопровождалось довольными возгласами. Я тоже не отказалась сделать глоток. Ничего другого все равно не предложат, а подкрепиться нужно. Я не ела черт знает сколько времени, желудок уже давно требовал пищи или хоть чего-нибудь. Я зажмурилась, задержала дыхание и приложилась к фляге. Шотландское виски. Гадость неописуемая и к тому же очень крепкая. Я мужественно проглотила эту отраву, даже не закашлявшись. Я протянула флягу следующему клиенту и заметила на себе удивленные взгляды. В них читалось: леди, а пьет как лошадь.

Тем временем Дугал с видом знатока обследовал раны Джейми. Действовал он неловко, и я сразу поняла, что врач из него никудышный. Зато мясник бы получился. Пациент болезненно

[1] Возможно, да, возможно, нет, возможно, дождь, возможно, снег.

кривился от его прикосновений. Дугал подозвал Руперта и приказал ему подержать раненого, чтобы не дергался. Похоже, он собирался вправлять вывих. Он взялся за руку Джейми и начать тащить ее на себя, от чего Джейми глухо застонал, побледнел еще больше и потерял сознание. Я не выдержала и, вскочив со своего места, крикнула в профессиональном рвении:

– Вы что, с ума сошли оба? Вы так сломаете ему руку, чертов кретин. Отойдите сейчас же от больного, – я присовокупила витиеватое ругательство, которое по черпнула в каком-то американском детективе.

Вышло убедительно. Оба отскочили от него как ошпаренные и остолбенело воззрились на меня. Леди пьет как лошадь и ругается как извозчик. Я воспользовалась паузой, подошла и перехватила у Дугала запястье Джейми.

– Прежде чем прикладывать силу, нужно поставить кость под правильным углом, вот так, и тогда она встанет на место.

Рука в моей руке была теплой, но не горячей. Жара нет. Это хорошо. Значит, воспаление не сильное. Впервые за сегодняшний день я чувствовала себя уверенно. По крайней мере я знала, что делать в ближайшее время.

Я внимательно осмотрела руку. Тяжелая как камень. Тем временем раненый пришел в себя и уставился на меня с таким же недоумением, как и его товарищи. Впрочем, никто не мешал мне делать свое дело. Итак, мы имеем вывих плечевого сустава, мышцы уже воспалились и распухли, они сдавливают суставную сумку, усложняя мою работу, мешая кости встать на место. Вправить будет непросто. Тут потребуется грубая сила, а я, как назло, страшно вымотана и к тому же давно не практиковалась.

Я взялась за локоть, глубоко вдохнула и приготовилась с силой повернуть его вверх и внутрь.

– Сейчас будет очень больно. Придется потерпеть, – предупредила я своего нежданного пациента.

– Больнее, чем сейчас, уже не будет. Так что давайте, – сказал он.

У огня было очень жарко. Я моментально взмокла от жара и физических усилий. По моей спине текла струйка пота. Джейми тоже взмок – от боли, которую переносил стоически. Он не издал ни звука, просто закрыл глаза и сделался еще бледнее. Мне не встречался столь терпеливый пациент. Наконец с легким щелчком рука пришла в нормальное положение.

– Уф! – сказала я и облегченно вздохнула.

– Больше не болит! – радостно провозгласил Джейми, и на его лице появилась широкая улыбка. Окружившие меня люди разразились восклицаниями и аплодисментами.

– Будет, – Пообещала я, чтобы остудить восторги. – Еще несколько дней могут быть боли и неприятные ощущения в руке. Поберегите сустав два-три дня, двигайте рукой как можно меньше. Потом будьте очень осторожны, не делайте резких движений, и обязательно каждый день теплые компрессы.

В глазах Джейми читалось легкое изумление, но еще я увидела в них доверие и уважение. Мне был знаком этот взгляд. Так смотрят на врача пациенты во все времена. Ради этого я готова была работать сутками. И мне вдруг захотелось бросить к черту свою сытую и благополучную жизнь консультанта в фармацевтической фирме и снова лечить. Снова спасать, успокаивать, вселять надежду… И жить впроголодь? Или лечить богатых в частной клинике?

Я отсутствующим взглядом обвела комнату и почувствовала какое-то напряжение. На меня смотрели с изумлением и подозрением. Что-то было не так.

– Я врач, – объяснила я.

Вместо того чтобы расслабиться, они напряглись еще больше. Изумление исчезло. Осталось подозрение и недоверчивость.

– Как бы то ни было, похоже, вы кое-что понимаете в лечении, – Дугал нарушил воцарившееся молчание. – Вы сможете залатать его рану, чтобы он мог ехать верхом?

– Ну конечно, я могу сделать перевязку. Если у меня будет все необходимое.

Дугал бросил женщине, сидевшей до того в углу, несколько слов на незнакомом мне языке, скорее всего на гэльском. Та сделала неуклюжий реверанс и стала рыться в деревянном крашеном ящике. Тем временем я осмотрела все помещение. Домик состоял из единственной комнаты, не отличавшейся уютом. Закопченные стены, жуткая грязь, нет электричества и водопровода. Такого я не видела даже в глухой деревне в Псковской области, куда ездила с подругой навестить ее бабушку. Старушка жила в типичном деревенском домике, небольшом, но прочном и теплом. Никаких благ цивилизации там не было. Воду брали в колодце, еду готовили на дровяной плите, по вечерам зажигали свечку. И все-таки в доме было прибрано и уютно. Не было такой вековой грязи, как здесь.

Женщина извлекла на свет кучу серых тряпок.

– Ни в коем случае! – Я с отвращением взяла одну из них двумя пальцами. – Это очень грязное. Рану нужно сначала продезинфицировать, затем перевязать чистой тряпкой, если нет стерильных бинтов.

– Продезинфицировать? – переспросил Дугал. Похоже, он не понимал значения этого слова, хотя и казался образованным человеком. Или его образование весьма однобоко, или… Или что?

– Нужно удалить из раны всю грязь. Для этого нужно лекарство, которое убьет микробов и ускорит выздоровление. – Я говорила, как с маленькими детьми.

– Какое лекарство?

– Йод, борная кислота, перекись водорода. – Я видела непонимание на лицах. – Ну хотя бы спирт?

Слово «спирт» звучит по-английски так же, как и «алкоголь». Вероятно, поэтому они с возгласами облегчения предложили мне все ту же флягу с виски. Невероятно! Или они просто олигофрены, или… У меня подкосились ноги, и я на всякий случай села.

– Почему бы вам просто не отвезти его в город к врачу? – спросила я наудачу.

– Какой город? Здесь нет города, – ответила мне женщина. Остальные только молча переглянулись.

Я чувствовала, как бьется мое сердце и делаются ватными руки и ноги. Я в Шотландии, неподалеку от Инвернесса, и мне говорят, что здесь нет города, хотя Инвернесс стоит на своем месте уже шесть веков. Я встречаю капитана Джона Рэндалла, очень похожего на Андрея, шотландцев, не знающих, что такое дезинфекция, и воюющих, с англичанами. Всего этого не может быть в двадцатом веке. Чтобы поверить в это, нужно нагромоздить цепь фантастических совпадений, да и то не все сойдется. Но если допустить одну-единственную фантастическую мысль, то все сразу становится на свои места. Я каким-то непостижимым образом оказалась в прошлом, и то, что со мной происходит сейчас, вполне закономерно.

В комнату вошел с улицы приземистый коренастый человечек с черной бородой. Он обменялся с Дугалом несколькими фразами на гэльском и вышел. На вопросительные взгляды он покачал головой.

– Близко никого. Отправляемся сейчас, пока все спокойно. Посмотрев в мою сторону, добавил: – Она едет с нами.

– Почему ты не оставишь ее здесь? – спросил усатый человек с багровым шрамом, пересекающим левую щеку. Похоже, он не был заинтересован в попутчиках.

– Она может сообщить англичанам, куда мы поехали. К тому же нам пригодится ее умение врачевать. Но не сейчас. Нет времени. Так что тебе, Джейми, придется обойтись без дезинфекции, – сказал он, хлопая Джейми по спине. – Ты сможешь ехать верхом с одной рукой?

– Да.

– Хорошо. Перевяжите его, и побыстрее. – Дугал бросил мне все те же серые тряпки.

– Но я не могу… – заикнулась я.

– Придется, – оборвал меня Дугал на полуслове, сжав мое плечо и подтолкнув в сторону Джейми. Я поняла, что действительно придется сделать так, как он хочет.

Одно утешало: быть более напуганной, чем сейчас, я уже не могла. И я продолжила осматривать раненого. Нужно было перевязать рану, используя скудные подручные материалы. Прикоснуться к замусоленному тряпью без содрогания я не могла. И я, не долго думая, оторвала широкую полосу от моей и без того драной блузки. Это было самое чистое, чем я располагала, чтобы забинтовать плечо Джейми. Нижняя рубашка моего пациента была довольно поношенной, но ткань оставалась на удивление грубой. С усилием я разорвала рукав до конца и сделала из него подобие косынки, поддерживающей больную руку. Получилась вполне приличная перевязка, особенно если учесть, в каких условиях пришлось работать. На слегка обнажившейся спине Джейми я увидела бесформенный широкий рубец, видимо, от старой раны. Он уродовал чистую гладкую кожу плеча и явно продолжался на спине. Чем можно было нанести такую рану? Я терялась в догадках.

– Хорошая работа, – одобрил Дугал мои усилия, прерывая уже не в первый раз мои мысли. – Пойдемте. Мы отправляемся.

Он сунул женщине монету и вышел из домика, сопровождаемый все еще бледным Джейми. Тот, встав с табуретки, оказался высоким и стройным. Он был на несколько сантиметров выше Дугала, мужчины немаленького роста. Оба они были похожи на викингов: хорошо сложенные, широкоплечие, рыжие, всклокоченные, с глубокими синими глазами и широкими скулами. Мой знакомый Руперт и человек с черной бородой – кажется, его называли Муртаг – держали лошадей, тихо разговаривая с ними по-гэльски.

– Садись. Девица поедет с тобой, – сказал Дугал, обращаясь к Джейми. Он взял меня за локоть. – Вы будете держать поводья, если он не справится одной рукой. И постарайтесь держаться поближе к остальным. Иначе я перережу вам горло. Понятно?

Я кивнула. Как сказал Толстой о Леониде Андрееве: он пугает, а мне не страшно. Вот и мне уже не было страшно. Мои эмоции притупились. Слишком много острых ощущений я испытала за сегодняшний день и уже успела к ним привыкнуть. Если постоянно есть на ужин ананасы, через некоторое время будешь относиться к ним так же, как к картошке. Люди, которые каждый день подвергают свою жизнь опасности, не обращают на это внимания. Иначе они не смогли бы делать свое дело. Теперь я поняла, как это бывает. Со мной происходили странные вещи, моей жизни угрожала серьезная опасность, но я была в состоянии размышлять и действовать.

На этот раз я уже легко села верхом на лошадь. Чувствовать спиной тепло Джейми почему-то было несравненно приятнее, чем прислоняться к словно из камня выточенной фигуре Дугала. Ночь была холодной, и я вспоминала о своей куртке, брошенной где-то на Грэт-на-Дан, и о теплом шерстяном платке в шотландскую клетку – тартане, который мне подарили в первый день семинара. Семинар, Андрей… Как все это было далеко. Словно осталось в другой жизни. Но я должна туда вернуться.

Молча всадники отправились в озаренную звездным светом ночь. Никто не разговаривал, шотландцы держались настороженно, видимо, опасаясь чего-то. Мой спутник не испытывал никаких затруднений в управлении лошадью, даже и с одной рукой. Время от времени я чувствовала, как он ногами направляет коня. Превосходный наездник, насколько я могла судить.

Джейми завозился у меня за спиной, и я не могла понять, что он хочет сделать.

– Осторожнее, вы сдвинете повязку! Что вы делаете?

– Вы дрожите от холода. Ваша одежда слишком легкая для ночной прохлады. Я хочу укрыть вас моим пледом, но мне никак не расстегнуть застежку одной рукой. Если бы вы мне помогли…

Некоторое время мы неловко возились вместе. Наконец плед укутал нас обоих и я перестала трястись от холода, но внутри меня все колотилось и не могло успокоиться.

– Теперь вы не замерзнете, пока мы не прибудем на место.
– Очень мило, – сказала я, – но куда мы едем?
– Сказать по правде, я и сам не знаю, – хмыкнул он. – Посмотрим, когда доберемся.

Глава третья
ЗАМОК ТИБЕРВЕЛЛ

Звезды светили над моей головой необыкновенно ярко, как никогда раньше. Казалось, они близко-близко, стоит только протянуть руку. Небо было похоже на южное. Черное, бездонное, усеянное крупными созвездиями. Будь поблизости город со своими бесчисленными электрическими огнями, небо было бы привычно тусклым, не таким величественным и пугающим.

Каким-то немыслимым образом из века людских толп, массового промышленного производства и телевизионных новостей я перенеслась во времена более примитивные, более жестокие, но и более понятные. Прикоснувшись к стоящему камню, я попала во власть неведомых сил, лишилась воли и разума. Я отчетливо вспомнила, как вдруг время сгустилось вокруг меня и стало плотной неподатливой средой, сквозь которую я шла, борясь изо всех сил за каждый шаг. Как будто спрессованные, боль, жестокость и страдание окружали меня, не давая дышать и двигаться. Теперь я вспоминаю, что среди первобытного губительного ужаса я сама выбрала свой путь. Я шагнула туда, где почувствовала возможность избавления. И еще мне почудилось, будто кто-то спрашивал меня тогда, и я дала ответ. Но о чем меня спросили? И что я сказала? Или это лишь призрак воспоминания?

Тихое цоканье коня Джейми прервало мои мысли. Лошади перешли на шаг. По знаку Дугала, который скакал впереди, всадники рассредоточились. Двое повернули в сторону холма, высившегося примерно в полукилометре от нас, остальные спешились и бесшумно исчезли среди деревьев, будто растворились. Джейми резко остановил лошадь перед каким-то кустом, сгреб меня одной рукой и бесцеремонно швырнул в чуть ли не в самую гущу веток, а сам умчался, не оставив мне времени возмущаться. Я заработала несколько новых ссадин в добавление к уже имеющимся, а на свою одежду старалась не смотреть. Она превратилась в лохмотья.

По-видимому, я должна была прятаться здесь. Но от кого? Темноту прорезала вспышка, раздался уже знакомый мне звук выстрела, и кто-то страшно закричал. Стреляли из ущелья. Я видела, как Джейми скачет вперед, низко пригнувшись, почти обняв лошадиную шею. Вот он скрылся за поворотом, вот снова появилась его лошадь, уже без всадника в седле.

Скалистые склоны холма были словно изрыты глубокими тенями. Там звучали выстрелы и крики. Я видела силуэты, скользящие между деревьев, или это были только тени качающихся ветвей? С трудом я выкарабкалась из куста, вынула колючки из волос и задумалась. Спрашивается, что я должна делать? Ждать, когда окончится битва? Но в любом случае победа будет не на моей стороне. Ни шотландцы, ни англичане не отнесутся ко мне дружелюбно. Пожалуй, лучше избегать и тех и других. И остаться одной в чужой стране и в чужом времени?

Наверное, нужно вернуться на Грэт-на-Дан. Там началась эта фантасмагория, там она и закончится. Ничто не мешает мне еще раз прикоснуться к камню и посмотреть, что получится. Я решительно встала и направилась к дороге. Конечно, я рисковала попасть под пули, оставаясь без укрытия, но иначе я не найду обратный путь.

В лунном свете все видится искаженным. Я старалась идти как можно быстрее, но то и дело нелепо перешагивала несуществующие препятствия, на деле оказывающиеся лишь тенями, и спотыкалась о незамеченные камни и кочки. Ночной лес молчал, звуки битвы постепенно затихли. Меня знобило. Чувство нереальности происходящего снова охватило меня. Разум отказывался принять гипотезу о путешествии во времени, но – увы! – она единственная объясняла все, что случилось со мной.

Андрей, наверное, разыскивает меня. Я представила, как он бродит по тем же самым местам, что и я сейчас, мы рядом и одновременно ищем друг друга, но только вот незадача:

нас разделяет пара веков. Я тихо засмеялась нелепости этой мысли, и из моих глаз полились слезы. Я была близка к истерике.

На дорогу выскользнула тень. Я подавила вскрик и приготовилась бежать изо всех сил. Но тень успела ухватить меня за руку и сказала голосом Джейми:

– Все в порядке. Это я.

– Этого-то я и боялась, – возразила я сердито.

Впрочем, я была почти рада, что это оказался Джейми. Я почему-то боялась его меньше, чем остальных, хотя он был не менее опасен. Но я просто не могла бояться своего недавнего пациента. Он был очень молод, думаю, моложе меня, но в нем не было инфантильности, свойственной мужчинам двадцатого века.

– Надеюсь, вы не двигали больной рукой? – спросила я суровым докторским тоном.

– Боюсь, небольшая перепалка с одним неприятным типом не пошла ей на пользу, – жизнерадостно сказал Джейми, массируя плечо. – Пойдем, – он потянул меня за руку. Какая самоуверенность! Он думает, я должна его слушаться.

– Я не пойду.

– Пойдешь, – он не был расстроен моим отказом, разве что слегка удивлен.

– А что, если я не хочу идти с тобой? – Английское «you» обозначает и «ты», и «вы», но сейчас сомнений не оставалось: мы перешли на «ты». – Ты перережешь мне горло?

Он немного подумал, видимо взвешивая варианты, потом спокойно сказал:

– Ты не слишком тяжелая. Я могу перекинуть тебя через плечо и нести. Хочешь? – Он сделал шаг ко мне.

– Не смей! – Я отскочила в сторону. – Ты снова повредишь свою несчастную руку. Хотя наверняка там уже есть кровоизлияния и разорванные мышцы. Каким нужно быть идиотом, чтобы совсем не думать о своем состоянии!

– Раз ты так обо мне заботишься, тебе придется пойти со мной.

Довольно улыбаясь, он снова взял меня за руку, и мы отправились туда, откуда я тщетно пыталась уйти. На него упал луч лунного света, и оказалось, что его рубашка вся в крови. Артериальное кровотечение, судя по цвету. Но в таком случае почему он до сих пор разгуливает по лесу в полном сознании? Я уставилась на него.

– Не беспокойся. Это не моя кровь, – объяснил он.

– Ах да, действительно, – пробормотала я, пока мой разум пытался переварить мысль о том, что этот парень только что убил человека, а может, и не одного.

Он вел меня за руку, поддерживая меня, когда я спотыкалась о камни и кочки или поскальзывалась на влажных корнях деревьев, постоянно подворачивающихся мне под ноги. С его помощью я довольно успешно преодолевала эти препятствия, избежав не одного падения. Сам он шел – так, будто гуляет по ровному тротуару в солнечный полдень. Бесшумно, ровно и ритмично. Так ходят кошки. Так же ходил Гиббонс, удивляя нас с Андреем. При мысли об Андрее я снова начала шмыгать носом.

Все еще шмыгая, я опять очутилась в окружении моих новых знакомых – Дугала, Руперта, Муртага и прочих. Мы снова оседлали лошадей и снова тронулись в путь. Будто в кошмарном сне: пытаешься убежать, но тебя догоняют, ловят, сажают на лошадь и везут. И так без конца.

Джейми за моей спиной покачнулся. Странно, еще совсем недавно он не был пьян.

– Эй, кто-нибудь! Помогите, черт побери! Он падает! – закричала я.

Джейми соскользнул с седла, по счастью, упав кому-то на руки. Его положили на земле, как тяжелый мешок. Я неуклюже сползла с лошади.

– Он дышит, – сообщил кто-то.

– Ценная информация, – огрызнулась я, отыскивая пульс. Пульс был, дыхание довольно ровное. Обморок.

– Ничего страшного. Подложите ему что-нибудь под ноги, чтобы приподнять их, и принесите воды, если можно.

Мне повиновались беспрекословно. Наверное, Джейми был им дорог. Он со стоном открыл глаза. В лунном свете его лицо походило на череп. Кости, обтянутые бледной кожей, и черные дырки глаз. Он попытался приподняться.

– Я в порядке. Голова немного кружится.

Я вернула его в исходное положение.

– Лежи спокойно! Рана снова кровоточит, к тому же этот идиот получил удар ножом, – объяснила я, ни к кому не обращаясь. – Раны легкие, но он потерял много крови. Его рубашка промокла насквозь, но я не знаю, чья это кровь. Нужно остаться здесь хотя бы до утра. Он не сможет ехать верхом.

– Ночевать здесь нельзя, – возразил Дугал. – Осталось еще пятнадцать миль пути. Только тогда мы будем в безопасности. Мы можем задержаться только для того, чтобы сделать новую перевязку. Это все.

И снова я путалась в грязных тряпках, пытаясь перевязать рану и остановить кровотечение. На этот раз мне помогал бородатый Муртаг. Впрочем, толку от него было мало. От усталости у меня тряслись руки, я почти не видела, что делаю, и повязка то и дело сваливалась, выскальзывая у меня из рук.

– Да прекрати же ты дергаться, кретин!! – заорала я, когда почти законченная повязка слетела от того, что Джейми пришло в голову шевельнуть рукой. – Мало того, что ты не выполняешь рекомендаций врача и размахиваешь вывихнутой рукой налево и направо, ты еще подставляешься под нож, и тебе даже не приходит в голову сказать мне, врачу, что у тебя серьезное кровотечение. Ты как ни в чем не бывало расхаживаешь по лесу, истекая кровью, а я должна то и дело оказывать тебе медицинскую помощь. Заметь, без всякого страхового полиса. Такого свинского поведения я еще не видела. Кому нужен этот дешевый героизм?!

– Ну, предположим, если бы я тогда не стал размахивать вывихнутой рукой, я бы уже никогда не смог даже шевельнуться. У меня не было выбора. Потом, я знал, что ты мне поможешь, – слабым голосом ответствовал Джейми. Похоже, он не испытывал угрызений совести и не видел в своем поведении ничего особенного.

– Если хочешь, чтобы я тебе помогла, заткнись и лежи спокойно, придурок! Иначе я сделаю тебе больно.

Мне наконец удалось туго завязать концы так называемого бинта, и я облегченно выругалась. Английские ругательства были моим маленьким хобби, но я никак не предполагала, что когда-нибудь они так пригодятся на практике.

– Господи, впервые слышу, что женщина так ругается, – пробормотал Муртаг.

– Тогда ты не знаком с моей тетушкой Милдред, – ответил кто-то, и все захохотали.

– Может, отправить ее в монастырь Святой Анны? – предложил тот же остряк. – Джейми провел там всего несколько месяцев и уже не поминает имя Господа всуе. Его навсегда излечили от богохульства.

– Ты бы тоже излечился, если бы тебе всякий раз в наказание приходилось лежать по три часа на каменном полу молельной, в одной рубашке. А было это в феврале, – подал голос Джейми. – Два часа я лежал и еще час боялся встать, думая, что мой… что я примерз к полу насовсем.

Он явно чувствовал себя лучше. Подошел Дугал с флягой, от которой отчаянно несло самогоном. Именно так пахнет самое плохое неочищенное виски.

– Хватит! Ему нужно выпить крепкого чаю или хотя бы воды, но вовсе не этого! – Я пыталась протестовать. Но Дугал влил в горло Джейми изрядную дозу виски, заставив его закашляться.

– Ему предстоит тяжелая дорога. Только виски придаст ему силы.

– Он не перенесет дороги! Ему нужно в больницу, и как можно скорее, – я чуть не плакала от бессилия, забыв, что здесь искать больницу бесполезно.

– Упрямая маленькая ведьма, – усмехнулся Джейми. – Я готов ехать, Дугал, если ты сможешь отогнать ее от меня и поищешь чистую рубашку.

Мы снова скакали по ночному, начинающему светлеть лесу, но уже без приключений, к которым я успела привыкнуть. Километры в седле под моросящим дождем в компании бравых ребят, вооруженных до зубов и облаченных в кильты, с раненым спутником за спиной, от которого пахнет кровью, виски и давно не мытым мужчиной, – ничего особенного, поверьте. Через несколько часов острота ощущений пропадает, остается бесконечная усталость, боль в мышцах и единственное желание: спать, спать, спать… Все остальное не имеет значения.

Серая, чахоточная заря осветила небо. Низкие облака не спешили рассеиваться, и местность казалась дикой и угрюмой. Мы мчались через равнину, и я разглядела вдали замок – очевидно, цель нашего путешествия. Раньше я видела живописные развалины на фотографиях. Что ж, теперь у меня будет случай увидеть действующий замок.

Ворота были открыты, и в них бок о бок протискивались две повозки, одна груженная ружьями, другая – небольшими бочонками. Наша кавалькада задержалась, пропуская груз. Вокруг собрались любопытствующие, взрослые и дети.

– Где мы? – спросила я у человека неопределенного возраста в бесформенной шляпе.

– Это замок Тибервелл, – отвечал он, осматривая меня взглядом зеваки, которому все равно на что пялиться.

Замок Тибервелл. Знакомое название, я слышала его от Андрея. Замок находится к северу от Инвернесса и принадлежит одному из сильных кланов, больше я ничего о нем не знала.

– Эй, малый, сбегай-ка к миссис Скотт да скажи ей, пусть готовит нам завтраки и постели, да побыстрее, – скомандовал Руперт какому-то мальчишке, жутко грязному и оборванному. Тот умчался прочь, меся босыми ногами жидкую глину, из которой состояла дорога после дождя.

Было раннее утро, но замок уже проснулся и начал свою беспорядочную деятельность. Шум, грязь, людской говор, конское ржание, хрюканье и блеянье прочей живности, скрип телег… Я была ошарашена. Такого хаоса не встретишь в двадцатом веке. Хуже всего были мальчишки, которые громко обсуждали, кем я могла бы быть и откуда я взялась. Они уже начали подбираться к моим ногам, чтобы поближе изучить мою обувь и брюки, но тут на сцену вышла немолодая дама солидных форм в относительно чистой одежде. Ее юбка была всего лишь забрызгана грязью по колено.

– Боже ты мой! Недди! Вилли! – восклицала дама, умильно складывая пухлые руки на внушительной груди. – Дугал, мы не ждали тебя так рано. Все думали, ты вернешься ко дню Большого сбора.

Похоже, это и была та самая миссис Скотт. Бурно поздоровавшись со всеми, она обратила свой взор на меня, и ее лицо застыло с глупейшим выражением.

– Миссис Скотт, это Джулия. Ее нашел Руперт, вчера, и Дугал решил, что она поедет с нами, – объяснил Джейми извиняющимся тоном, слегка отстраняясь от меня. Похоже, он не хотел быть замешанным в историю с моим появлением в этом замке. Изворотливая свинья! Как ловко он умыл руки! Ну подожди, буду я менять тебе перевязки, как же. Пусть этим займутся местные умельцы.

– Ну что ж, добро пожаловать, милочка, – дородная дама расплылась в улыбке, которую несколько портило отсутствие большей части зубов. – Пойдем со мной, я посмотрю, не найдется ли для тебя чего-нибудь более… приличного.

И миссис Скотт еще раз осмотрела изумленным взором мои брюки странного покроя (хорошо еще, что я была не в джинсах) и необычную обувь, видимо, совершенно не подходящую к случаю.

Я пошла было за ней, но совесть не позволила мне оставить пациента, нуждающегося в помощи, на произвол судьбы.

– А как же Джейми? – спросила я вслед миссис Скотт.

– О нем не беспокойся, милая. Он сам найдет где поесть.

– Но он серьезно ранен. Я должна позаботиться о нем. Я перевязала рану, но сейчас нужно срочно ее продезинфицировать.

– Что сделать?

– Промыть чем-то, что предотвратит воспаление и лихорадку.

– Ах да, я понимаю, о чем ты. Ну что ж, тогда пойдем с нами, дорогой дружок.

Гулкие темные коридоры, неожиданные повороты, тяжелые деревянные двери, похоже, не открывавшиеся веками… Таким был замок Тибервелл, такими были почти все замки в те времена. Извилистым путем мы добрались до небольшой комнатушки, где была кровать, пара табуреток и – самое главное – горел огонь. Миссис Скотт усадила больного на табуретку, ловко стянув с него рубашку и накинув на плечи одеяло.

– Что тебе понадобится, милочка?

– Нужно вскипятить воды, нужна ткань для перевязки и еще… еще… – Я лихорадочно соображала, что может сыграть роль антибиотиков. Тем временем Джейми тихо покачивался на табуретке от слабости. – Чеснок!

– Сию секунду, милая. И еще в моем хозяйстве найдутся травы, которые помогут облегчить боль, и чай из ивовой коры, он снимет лихорадку. А ты никак знахарка? Как Битоны?

– Да, что-то в этом роде, – сейчас не время было распространяться о том, что я закончила Первый медицинский.

Она вернулась с целой охапкой всякой всячины. Кастрюлька воды кипятилась на огне, миссис Скотт растолкла чеснок и отправилась по своим делам, я выбрала из охапки принесенных ею трав знакомые, в чьем действии я не сомневалась. Я в свое время слушала курс фитотерапии, но не курс ботаники. Распознать то или иное растение – непростая задача, тем более если это травы чужой страны. Хорошо еще, что я не в Новой Гвинее. Там небось и чеснок не растет.

Я принялась снимать присохшие тряпки с плеча Джейми так осторожно, как только могла. И все же я причиняла ему боль. Это было заметно, хотя он не проронил ни звука. С легким треском ткань отрывалась, оставляя по краям раны крапинки выступившей крови. Ножевая рана была глубокой и очень грязной. Промыть ее без предварительного обезболивания будет настоящей пыткой.

Всякий раз, углубляясь в рану, я неловко извинялась, хотя он продолжал молчать.

– Не извиняйся, делай то, что ты делаешь, – сказал он в конце концов. – Мне причиняли куда более сильную боль, и делали это люди гораздо менее симпатичные.

Я сбросила одеяло, которым он был укрыт, оно мешало мне. И замерла, не в силах смотреть на его спину и не в силах отвести взгляд. Спина была покрыта неровными, беспорядочными рубцами. Они перекрещивались и накладывались один на другой, превращая гладкую когда-то кожу в бугристую поверхность. Когда-то давно на этой спине не было живого места, она была одной сплошной раной. Его жестоко секли. В некоторых местах удары приходились на одно и то же место, кромсая кожу и разрывая плоть. Теперь там были бесформенные уродливые шрамы, которые никогда не изгладятся. Он почувствовал, что я смотрю на него.

– Это плети. Красные мундиры пороли дважды за неделю. Они были бы рады выпороть меня дважды в день, но побоялись, что я умру. А истязать труп не слишком интересно.

– Кому вообще может прийти такое в голову?!

– Тот, кто содрал с меня кожу, наслаждался этим. Его зовут капитан Рэндалл.

– Рэндалл? – воскликнула я громче, чем следовало бы.

– Ты знаешь его? – В голосе Джейми зазвучало подозрение.

– Нет, но я знала когда-то давно человека с таким именем. Вряд ли это тот же человек. Это было далеко отсюда и почти что в другой жизни, – поспешила я отвести от себя подозрения в личном знакомстве с очаровательным капитаном.

Я засуетилась у кастрюльки с травяным отваром, чтобы скрыть нервную дрожь. Человек, встреченный мной в ночном лесу и пытавшийся меня изнасиловать, был способен на все. И именно он оказался далеким предком человека, которого я когда-то страстно любила. Того человека, к которому я хотела вернуться сейчас больше всего на свете.

– За что? – спросила я хриплым голосом, продолжая промывать рану. Вопрос был бестактным. На секунду его лицо окаменело, но он ответил мне все в той же своей манере:

– За неповиновение, за попытку бегства и за кражу.. Так сказали англичане.

– Да ты опасный тип!

– Я настоящий преступник. Не советую тебе оставаться со мной наедине.

Он был недалек от истины. Даже сейчас, израненный и уставший, с красными глазами после бессонной ночи, он был готов снова драться и снова убивать, если это потребуется. И все же я чувствовала себя в безопасности.

– Что такое «неповиновение»? – спросила я, чтобы отвлечь его от боли и узнать побольше о капитане Рэндалле.

– Неповиновение – это то, что англичанам заблагорассудится так назвать. В моем случае попытка спасти свой дом и родных. Англичане ввели новый налог. Мы должны были отдать в форт Уильямс часть скота и припасов и еще выплатить довольно большую сумму. Никто не торопился отдавать англичанам последнее. И тогда появились солдаты. Небольшими группами они обходили дома, сгружая на повозки все, что удавалось добыть. Они грабили, а не собирали налог. Однажды моего отца не было, он пошел на похороны своего друга, а я вернулся поздно. Дома оставались сестра и две служанки. Еще с дороги я услышал крики сестры. Я бросился в дом. Там орудовали солдаты. Их было пятеро. Служанки прятались на чердаке. Платье моей сестры было порвано, а у одного из солдат на лице красовались свежие царапины.

– Боже мой, – тихо сказала я.

– Я уже почти справился со всеми пятерыми, двое лежали на полу без сознания, одного я вышвырнул в окно, но вдруг вошел капитан Рэндалл и приставил пистолет к голове Мэгги. Меня схватили и привязали к воротам. Рэндалл выхватил свою саблю и плашмя ударил ею меня по спине. Удар был сильным, но долго бить меня с той же силой он бы не смог. Поэтому я крикнул Мэгги, что мне не больно.

Он говорил медленно, полузакрыв глаза, и я поняла, что от боли и усталости он впал в нечто вроде гипнотического транса. Наверное, он забыл о моем присутствии.

– Тогда Рэндалл приставил нож к моему горлу и предложил Мэгги выбрать: или она пойдет с ним наверх, или он пустит мне кровь. Острие проткнуло мою кожу. Я видел лезвие ножа у своего лица, я видел, как падают капли моей крови в пыль, но я снова крикнул ей, что предпочту умереть, чем видеть ее обесчещенной этим ублюдком. Ее держали за моей спиной, я не мог ее видеть. Она пошла с ним.

Он замолчал, будто бы задремал на несколько минут.

– Что было потом? – Наверное, мне не следовало ничего говорить. Я совершала одну бестактность за другой. Он очнулся.

– Потом я пришел в себя в фургоне, набитом цыплятами, в котором меня везли в форт Уильямс. Сестру я не видел с тех пор и не знаю, что с ней сейчас. Дугал сказал мне, что у нее был ребенок… от Рэндалла.

– Это ужасно!

– Да уж, цыплята – не лучшая компания для дальнего путешествия.

Он неожиданно рассмеялся. Минутный сон снял тень усталости с его лица. Он понял, что перевязка закончена, и попытался подвигать плечом и рукой.

– Даже не думай этого делать! Сейчас я привяжу ее к твоему боку, тогда тебе не удастся испортить мою работу.

Больше он не говорил. Я помогла ему одеться, чувствуя странную неловкость. Мы были чужими друг другу, и все-таки между нами возникла близость. То, что нас объединяло, теперь ушло. Закончилось изматывающее путешествие, когда мы тесно прижимались друг к другу, чтобы спастись от пронизывающего ветра. Закончилась его история, которую он рассказал с неожиданной откровенностью. Закончились доверительные отношения, связывавшие врача и пациента. Молча мы выпили почти остывший бульон и съели хлеб, принесенный миссис Скотт. Мои глаза слипались от тепла и сытости.

– Тебе нужно поспать, – сказал он мягко, – ты ужасно выглядишь.

– Я устала. Господи, как же я устала…

Больше суток я не спала, не ела, мерзла и мокла под весенним дождем и к тому же все время попадала в разнообразные передряги. Мое тело требовало отдыха, а разум – определенности. У меня снова задрожали губы, в горле стоял комок, стало трудно дышать. Я отвернулась, чтобы Джейми ничего не заметил, но было поздно.

– Что с тобой? – Он взял меня за руку, заглядывая в лицо.

И тут я зарыдала, уже не в первый раз за сегодняшний день. Я совершенно не выношу жалости. Чем больше меня утешают, тем больше я плачу. Так вышло и на этот раз. Я истерически всхлипывала и стонала. Но этот парень определенно был не прост. Он не стал звать на помощь и не отскочил от меня в ужасе. Он не стал задавать вопросов и уговаривать. Он просто усадил меня на колени, прижал к себе и начал тихонько укачивать. Его пальцы мягко перебирали мои волосы, гладили, ласкали… Будь я кошкой, я бы немедленно замурлыкала.

На его широкой груди я наконец выплакала всю свою усталость, всю боль и все сегодняшние треволнения. Я прижималась к нему как к последней надежде, а он тихо шептал мне что-то по-гэльски, чего я не понимала, и была благодарна, что не понимаю. Мне не нужны были утешения, но очень нужна была забота. Блаженно ощущая его тепло, я вдруг поняла, что это мужчина, а не просто очередной мой пациент. Я резко отстранилась от него. Он понял по моему лицу, что что-то не так.

– Не бойся. Ты не должна меня бояться. И никого в этом замке, пока я здесь, – сказал он, крепко держа меня за подбородок и глядя в глаза.

– Не буду.

И я снова сидела на коленях у небритого грязного шотландца, которого встретила меньше суток назад, обнимала его и была почти что счастлива.

Он уложил меня в постель, накрыл единственным одеялом. Я пыталась протестовать. Он успокоил меня, сказав, что найдет другое место для ночлега. Я хотела сказать еще что-то, но заснула раньше, чем он вышел из комнаты.

– Вставай, милочка, тебя уже ждут!

Кто-то тряс меня за плечо и звал неприятным резким голосом. Я спала так глубоко, что, проснувшись, не сразу поняла, где я и кто я. Постель была теплой, но в комнате было холодно. Ныла шея от спанья на неудобной, слишком большой и мягкой подушке. Я потянулась, зевнула, приоткрыла глаза… Перед моим еще не сфокусировавшимся взором обнаружился расплывчатый силуэт миссис Скотт. Так. Значит, я все еще здесь.

– Собирайся скорее. Ты не должна опаздывать. Нельзя заставлять его ждать.

– Кого?

– Маккензи, кого ж еще!

Действительно, кого же еще? Очевидно, меня ждал хозяин замка Тибервелл, которого звали Маккензи, иначе к чему такая спешка. Значит, я нахожусь на землях клана Маккензи, видимо, в самом сердце их владений. Вот зачем Дугал так спешил сюда. Здесь безопасно. А раз безопасно – значит, далеко от границ. Горстка англичан, преследующая моих попутчиков, не посмеет сюда сунуться. Слишком рискованно.

Ну что ж. Надо пойти познакомиться с настоящим шотландским лэрдом. Как позавидовал бы мне Андрей! Я вылезла из постели и на цыпочках подбежала к огню, кутаясь в одеяло. Миссис Скотт помогла мне раздеться – я спала в одежде – и обрядила меня в новый костюм. Я чувствовала себя как на новогоднем маскараде, куда в детстве ходила в костюме Красной Шапочки. Кремовая нижняя рубашка, парочка шуршащих нижних юбок, верхняя клетчатая, и темно-изумрудный корсаж. Грубые шерстяные чулки и туфли, если это можно назвать туфлями. Скорее, это были кожаные тапочки с мягкой подошвой, оба на одну ногу. В них было очень трудно держать равновесие. Они скользили на каменном полу, и я выглядела примерно как корова на льду, когда попыталась сделать несколько шагов. Я с сожалением посмотрела на свои заляпанные грязью ботинки, которые стояли под кроватью. Увы, о них лучше забыть.

Миссис Скотт удовлетворенно обозрела свое творение и заявила:

– Я так и знала, что тебе пойдет зеленое. Оно делает глубже твои глаза и подчеркивает рыжину в волосах.

Мои волосы были каштановыми, но в них действительно скрывался рыжеватый оттенок, который делался особенно заметным, когда волосы выгорали. Поэтому я любила зеленый цвет. Миссис Скотт подозрительно осмотрела мою старую одежду. Она должна была ее шокировать. Особенное недоумение вызвало белье, самое простое, хлопковое, без всяких изысков. Хорошо еще, что мне не пришло в голову надеть бордовый кружевной гарнитур, подаренный моим последним поклонником. Миссис Скотт хватил бы удар.

– Это последнее изобретение французской моды, – сказала я как можно более уверенным тоном, хотя пре красно знала, что до лифчика модельеры додумаются еще не скоро.

– Господи, и чего только не бывает на свете! Но почему ты путешествовала в этом костюме? И зачем ты обстригла волосы так коротко? – заохала миссис Скотт. – Ах да, конечно. Теперь ведь многие женщины скрывают свой пол, переодеваются мужчинами, чтобы спастись от этих красных мундиров. Когда же наконец настанут спокойные времена? – Тем временем она сооружала прическу из моих непослушных коротких волос, вплетая в них золотистую ленту. – Ну вот. Теперь я провожу тебя к Маккензи.

Мы опять шли извилистыми коридорами, но встречные уже не обращали на меня внимания и не проявляли нездорового любопытства. Внешне я слилась с аборигенами. Мы поднялись на башню по винтовой лестнице, и у дубовой двери миссис Скотт меня покинула.

Я вошла. Почему-то громко запели птицы. Я повернулась на звук и увидела огромную клетку, искусно вмонтированную в угол комнаты и занимавшую пространство от пола до потолка. Потолок был неопределенной высоты, но явно побольше, чем новостроечные два метра пятьдесят сантиметров. В клетке порхало не меньше сотни певчих птиц. Они чирикали, свиристели и заливались трелями, в глазах рябило от их мельтешения. Хозяина не было видно, и я решила осмотреться. По местным меркам комната была роскошной. Гобелены с вытканными на них сценами охоты, картины в стиле фламандской школы, мягкие кресла и полки с книгами. Свечи в тяжелых серебряных канделябрах освещали этот интерьер на удивление ровным светом, рождающим уют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.